

Амурским казакам начала девяностых

Нас так мало осталось
из тех, кто был первым,
кто казачьи знамена
поднимал, несмотря ни на что!
Кто прошел через те девяностые годы,
когда в смуте времен
трудно было узнать, кто есть кто

Нас не поняли многие,
не все поддержали
и глумливо смотрели
на желтый казачий лампас,
сколько планов утоплено
в море бумажном,
сколько горечи в сердце
скопилось у нас

Вот уже много лет
прорубаемся мы через косность
те, кто духом ослабли.
Давно не в казачьем строю,
равнодушие властей

убивает сегодня страшнее...
Чем в гражданскую пули
в открытом и честном бою.

Много лет мы воюем
с безразличным своим окруженьем.
Много лет мы в бою,
но не ради наград и чинов.
Нам наградою будет,
если нас упомянут потомки
на безмолвной поверке...
Среди канувших в вечность
амурских казачьих полков.

Нам пока еще рано
шашки вкладывать в ножны,
Есть и сильные руки,
и ясность в казачьих умах
Еще живы надежды,
что вспомнит Россия
о далеких амурских своих казаках!

2007 г.

Во второй батальон не прибыл...

118-я стрелковая дивизия, недавно прибывшая с переформирования после боев под Тирасполем и Яссами, и проделавшая большой марш из Молдавии до Польши, была сразу переброшена на Сандомирский плацдарм. Ее полки вели ожесточенные бои с отчаянно сопротивлявшимися немцами, то и дело отбивая контратаки, и переходя в наступление. Потери были большими, в стрелковых батальонах уже оставалось меньше половины списочного состава. Резервы таяли, хотя маршевые роты в дивизию и подходили, но сразу же направлялись в бой.

Поздно вечером лейтенанта Колесникова вызвали в политотдел дивизии. Наконец-то закончилось его затянувшееся после госпиталя вынужденное пребывание в офицерском резерве фронта и постоянные перемещения, то в учебный батальон, то в гаубичную батарею, то нескончаемые дежурства по штабу.

Только недавно отбили немцев, переправившихся через Вислу и пытавшихся отрезать плацдарм от переправ. Ожесточенные бои шли два дня, 13 и 14 августа 1944 г. Сводный батальон резерва, где Колесников временно был замполитом, несколько раз ходил в атаки, четырежды

попадал под огонь немецкой тяжелой артиллерии и отбил атаку роты «пантер», бивших прямой наводкой по их окопам. Помогли штурмовики «Ил-2» и «катюши», нанесшие массированный удар по наступающим танкам и пехоте. Немцев отбросили за Вислу, мало кто из них ушел.

Зам.начальника политотдела дивизии, седой как лушь подполковник Ямщиков, знавший его еще с Калининского фронта, сказал:

— Ну что, Колесников, кончились твои «посиделки», идешь в 527-й полк, к майору Крюкову — там зам.полит во втором батальоне, капитан Мостовой, выбыл вчера по ранению. Повезешь с собой партбилеты, отдашь на месте парторгу полка, капитану Зеленину. Сейчас возьми предписание и на переправу. Там колонна с боеприпасами в полк через час пойдет, с ней и доберешься. Ну, все, лейтенант, давай. Не подведи...

Лейтенант хорошо помнил капитана Мостового по встречам на совещаниях, последний раз виделись в местечке Луковец под Львовом, еще в июле. Жаль мужика. Ямщиков пожал руку на прощание и отвернулся к телефону. Лейтенант, прихватив вещмешок и полевую сумку, наскоро попрощался со знакомыми штабными офицерами и побежал на переправу через Вислу. Там уже стояла колонна «студебеккеров», загруженная боеприпасами, готовая к отправке. Через полчаса они уже медленно двигались по прогибающейся под колесами понтонной переправе. Хотя немцев отогнали уже далеко, понтонные переправы еще были в зоне действия огня немецкой дальнобойной артиллерии и столбы воды то и дело взлетали на реке. Дня не проходило, чтобы саперам не приходилось сращивать настил и менять понтоны. Над переправой барражировали наши истребители, то и дело вступая в бои с немецкими пикирующими бомбардировщиками «Ю-88», пытавшимися днем и ночью прорваться к переправам под прикрытием «мессеров» и «фокке-вульфов». По обоим берегам, почти колесо к колесу стояли зенитки — целый лес стволов, задранных в небо. Днем переправы закрывались дымом, машины и танки едва ползли. По серой и мутной Висле сверху густо плыли трупы наших и немецких солдат, вздувшиеся лошадиные туши, снарядные ящики и прочий хлам — немцы беспрерывно пытались блокировать плацдарм. Саперы на лодках все это вылавливали, не давая подплыть к бонам заграждения. Поток машин, танков, самоходок, обозных фур и пехотных колонн не прекращался ни днем, ни ночью — с плацдарма готовилось наступление, накапливались силы и прожорливый фронт требовал еще и еще. За колонной пристроились две самоходки СУ-76, шедшие из ремонта, дальше шла

колонна «студеров» с зачехленными приземистыми, длинноствольными противотанковыми 100-мм пушками. У солдат, сидевших на снаряжных ящиках, на рукавах гимнастеров были нашиты черные ромбы со скрещенными стволами – отличительный знак противотанкистов. Сержант, сидевший рядом в кабине, почтительно сказал: – ИПТАП (истребительно-противотанковый артиллерийский полк) и пошел. Отчаянные ребята – танки на прямой наводке лупят. Насквозь «тигру» прошибают. Но долго не живут.

– А кто на передке-то долго живет. Оттуда, брат, две дороги – или в Наркомздрав или в Наркомзем. – откликнулся шофер.

Лейтенант не стал прерывать разговор, сделав вид, что дремлет – такие разговоры ему, по долгу службы, нужно было пресекать, хотя с этим был вполне согласен. Сам он был на «передке» уже третий год, несколько раз был ранен и контужен. И не один раз видел, как хороших бойцов за такие разговоры загоняли в штрафную роту.

Колонна медленно вползла на берег, регулировщики сноровисто разогнали машины по направлениям. Лейтенанта подбросили прямо к штабным блиндажам полка. Судя по добротности и глубине, они были построены еще немцами, тархтел трофейный движок, в блиндажах было светло от ламп. Молодой, но уже с сединой, майор Коростелев, заместитель по полит.части командира 527-го стрелкового полка, бегло проверил документы и предписание. На карте показал дислокацию полка и батальонов, прочитал вслух последние полит.донесения.

– Вот смотри, у соседей в 220-м гвардейском полку комроты лейтенант Бурба с 12 солдатами, оставшимися от роты, отбил три атаки и продержался до вечера. В утренней танковой атаке подорвал лично один танк и бросился со связкой гранат под другой. То же сделал и рядовой его роты Хлюстин. Обоих к Герою представили, посмертно. Отчаянно дерутся люди, себя не жалеют. Потом вдруг поинтересовался:

– Непонятно, Колесников, воюешь вроде давно, училище политическое вон закончил, а для лейтенанта вроде как и староват, под сорок уже. Кем до войны-то был?

– В милиции служил, на Дальнем Востоке, в Благовещенске. Зам. начальника РОВД, две «шпалы» носил, майор.

– А как на фронт попал?

– Да как обычно, добровольцем, в 42 году. Формировались в Сибири. Начал в разведке, под Ржевом, на Калининском фронте. Там и ранили в первый раз. По выздоровлению – курсы полит.состава, по-

том политруком развед. роты 91-й особой разведывательной бригады. Потом опять ранило, после вот в училище послали. Оттуда – на 1-й, потом на 3-й Украинский фронт.

– Ну, раз так – батальон потянешь. Комбат-2, майор Ремняк, мужик опытный, с сорок первого на фронте. Народ там разный, много из ранее оккупированных местностей. Есть и из партизан. Но дерутся нормально, настроение боевое. Вчера вот две контратаки танков отбили, уж было, первую линию окопов фрицы прорвали, до рукопашной дело дошло. Но выбили мы их из окопов и с полкилометра еще гнали. Танков и самоходок у немца здесь еще много, «пантеры» в основном, в лоб их взять трудно, да и пехота попалась настырная – панцер.гренадеры вроде. Но наложили их немало, завтра на поле сам увидишь. Да и танки почти все пожгли иптаповцы, хоть и самих повыбило. Соседи наши тоже хорошо продвинулись, так что гоним гадов. Заявлений в партию много, да не всем и билеты сможем вручить. Гибнут люди. Заметь, Колесников, лучшие гибнут.

– Сейчас скажи дежурному, чтоб покормили, сдай прод. аттестат в строевую часть и в блиндаже рядом до утра отдохнешь.

Коростелев помолчал немного, затем передал карту и пакет для комбата.

– Сегодня уже поздно, пойдешь завтра с рассветом. С тобой в батальон пойдет взвод из пополнения, две повозки с боеприпасами да артиллеристы из ремонта сорокапятку повезут. Дорога известная, вроде близко, но малыми группами, особенно по ночам, не ходим – сплошной обороны пока нет – наступаем, окопы нормальные рыть некогда, вот немцы и шастают – разведчики да недобитки всякие к себе пробираются. Связь режут, мотоциклистов перехватывают. Вчера повозки с ранеными обстреляли. Так что бдительности в дороге не теряй. Захвати газеты и почту в батальон, возьмешь у дежурного. Ночью в батальон подойдет маршевая рота и два взвода танков. Подвезут боеприпасы, два БК. Утром при поддержке артиллерии – вперед. Так комбату на словах передай, приказ на наступление пока пишут.

Лейтенант козырнул и вышел из блиндажа. Несмотря на ночь, фронт жил своей беспокойной жизнью – где-то постреливали пулеметы, размеренно била из-за Вислы наша корпусная артиллерия, в небе гудели ночные бомбардировщики. Затем нашел дежурного по штабу, передал распоряжения и, положив под голову вещмешок, вздремнул на нарах.

Дневальный разбудил лейтенанта через три часа. Возле склада

уже выстраивалось в две шеренги пополнение, стояло две повозки и упряжка с сорокапяткой. Зевающие артиллеристы сидели на зарядном ящике. Пополнение было частью из маршевиков (их можно было отличить по новому обмундированию, противогазам и ботинкам с обмотками) и бывалых солдат, выписанных из медсанбата, разношерстно одетых и в трофейных сапогах. Каски были только у маршевиков. Лейтенант коротко объяснил задачу, назначил помощником старшину Ибатуллина. Проверили оружие, патроны. На повозке были два ручных пулемета ДП, ротный миномет, разобранный «Максим», несколько ящиков с ППШ (пистолет-пулемет Шпагина) в смазке. На другой – цинки с патронами и ящики с гранатами. Себе Колесников, по совету старшины, прихватил автомат ППШ и три, недавно появившихся войсках, секторных магазина на тридцать патронов, затолкав их за голенища, на немецкий манер. «Рожок» был поудобнее, ловчее. Диски на ППШ набивать было долго и неудобно – пружина часто вылетала, хотя 71 патрона хватало надолго...

На рассвете маленькая колонна тронулась в путь по разбитой гусеницами и колесами грейдерной дороге, огибая воронки. Путь был недалекий – километра четыре, на карте значилось две рощи (от которых мало что осталось) и ручей. Кругом были следы недавно прошедших боев – стояли подбитые и сгоревшие немецкие танки, было несколько наших вдребезги разбитых тридцатьчетверок – остальное, пригодное к бою железо уже уволокли ремонтники. Вдали окапывалась батарея 122-мм гаубиц. Судя по тому, как густо стояли немецкие танки и бронетранспортеры – они попали под удар штурмовиков и противотанковых пушек «иптаповцев». Пушки, разбитые и раздавленные гусеницами, еще виднелись в неглубоких окопчиках. наших солдат уже успели похоронить, немцы еще лежали вразброс по всему полю, от танков тянуло тяжелым запахом окалины и горелого мяса. Прямо у дороги в кювете лежал на боку немецкий полугусеничный штабной бронетранспортер «Ганомаг», насквозь прошитый пушками штурмовика. Судя по закрытым люкам, из него никто не успел выбраться. От недалеко стоявшего штурмового орудия остались одни гусеницы и лохмотья корпуса с закопченным крестом, видать рванул боекомплект.

Солдаты из пополнения подавленно озирались по сторонам, глядя на трупы, слышен был только скрип колес повозок, да что-то перекатывалось в зарядном ящике. На недалекой передовой уже слышалась пулеметная стрельба, гулко ухали батальонные минометы – наверное

немцы опять атаковали. Начала стрелять и немецкая артиллерия, снаряды бесприцельно ложились по всему полю, поднимая фонтаны грязи и обломков. Пришлось залечь и переждать налет. В небе послышался завывающий гул немецких «Юнкерсов», шедших клином на бомбежку переправ в сопровождении эскадрилий юрких «мессеров». Навстречу им кинулись наши «Яки» и «Лавочкины» и в рассветном небе, покрытом мелкими облаками, завязалась ожесточенная схватка. Выли на форсаже моторы, слышался приглушенный стрекот авиационных пушек, вспыхивали факелы падающих самолетов. «Юнкерсы», освобождаясь от бомб, разворачивались назад, отчаянно отстреливаясь из бортовых пулеметов. Несколько из них уже дымились.

— То-то, суки! Это вам не сорок первый! — радостно орали артиллеристы.

Неожиданно из облаков со снижением вывалился подбитый «Юнкерс-88», один его мотор дымил, из пробитых баков тянулся белый шлейф бензина, закрылки и колеса были выпущены — очевидно хотел сесть на вынужденную. Но следом вырвался «Ла-5» и, всадив в него длинную трассирующую очередь из пушек, вновь исчез в облаках, победно взревев мотором. Самолет вспыхнул, из него посыпались обломки, он по крутой дуге с воем врезался в землю. Гроыхнул взрыв. Над полем повисли два парашюта. Солдаты радостно заорали и кинулись к снижающимся парашютистам, которых несло прямо на недалекую рощу. И тут из рощицы слышались пулеметные и автоматные очереди. Трех солдат срезало сразу, остальные попадали на землю, защелкали затворами, открыли беглый огонь вслепую по роще. Лейтенант сразу понял — это и есть недобитые фрицы, что остались от вчерашней атаки. Хотели видать отсидеться и прорваться к своим, да не успели.

— Ибатуллин, повозки и лошадей в кювет, пушку на прямую наводку. Командира расчета ко мне! Всем в цепь, вести огонь по роще. Осмотреться, выяснить сколько там немцев...

Сам достал бинокль и посмотрел на рощу. Судя по вспышкам выстрелов, немцев было немного, человек пятнадцать при двух ручных пулеметах МГ-42. Фрицы были сборные — в кустах и между деревьями мелькали черные шлемы и куртки танкистов, пятнистые плащ-палатки и каски панцер.гренадеров, комбинезоны летчиков.

Подползли усатый сержант-артиллерист и старшина.

— Осколочные снаряды есть?

— Штук десять. Остальное — болванки бронебойные. Мы же с

собой много не возим, остальное на батарее.

– В общем так. Бей осколочными, по вспышкам, гаси пулеметы. Кончатся осколочные – бей болванками, не давай им головы поднять. Окопаться они не успели, да и патронов у них маловато для боя, на себе-то много не утащишь.

– Ибатуллин! – Берешь пять человек, обходи перебежками справа, я пойду в охват слева. Одно отделение на дороге с двумя пулеметами пусть прижимает фрицев, патронов не жалейте. Если что – берите цинки с повозки.

Лейтенант с пятью солдатами из бывалых, перебежками от воронки к воронке, побежал в обход рощицы. Рассредоточились и открыли огонь из автоматов и двух карабинов. В ответ над головами запели пули. Лейтенант, целясь по вспышкам, высадил уже пару магазинов в дымную мешанину от разрывов снарядов, вставил в автомат последний, тщательно прицелился в мелькнувшую за деревом черную фигурку танкиста. Над правым ухом свистнула пуля, по голове потекло горячее. Скатился на дно воронки, ощупал голову – царапина. Пуля прошла вскользь по коже, вырвала кусок из края погона, зацепила ухо. Вроде маленькая ранка, а кровила изрядно.

– Да , невесело – подумал он .– Еще бы немного и хана мне. В сорок втором в шею попали, теперь вот в ухо. Вспомнился вдруг брат жены, Костя Дрондин, водитель броневика на финской, и его матерные частушки, что привез с войны, с припевом. «Прощай, мама, прощай папа, здравствуй Кирка – Кивеннапа!» Еле он унес ноги из окружения под Выборгом, на ухе тоже был шрам и задница поморожена. Наспех замотал голову бинтом из индивидуального пакета, поверх натянул пилотку. Выскочил из воронки и побежал к следующей, на бегу длинными очередями отстрелял последний магазин. В воронке ничком лежал убитый солдат-узбек из его группы. Запомнился по франтоватым, низко намотанным английским обмоткам. Отложил в сторону бесполезный теперь автомат, вытащил из кобуры надежный, пристрелянный и привычный наган довоенного выпуска. Он предпочитал его пистолету «ТТ» и даже «парабеллуму». Привычная тяжесть в руке успокаивала. Высунулся из воронки, огляделся. В роще сверкали разрывы снарядов сорокапятки, летели щепки, слышались стоны и крики, огонь немцев заметно поутих. Пулеметов уже не было слышно. С другой стороны рощи огонь усилился, по звуку – наши автоматы. Значит, старшина Ибатуллин не подвел. Окликнул своих, из ближайших воронок откликнулись четверо.

– Давай, ребята! Вперед!

Поднялись, пригибаясь и стреляя короткими очередями, пошли. Лейтенант не стрелял, патронов в нагане было мало, берег для рукопашной. С другой стороны рощи уже слышалось жидкое «ура» группы Ибатуллина.

– Вроде наша берет – успел подумать лейтенант, как земля ушла из-под ног и страшная боль в левом бедре выбила его из сознания.

Очнулся лейтенант уже на тряской санитарной повозке по дороге в медсанбат. Обе ноги и голова были перевязаны. Ноги не двигались.

– Все, отвоевался – успел подумать он, снова проваливаясь в спасительное беспамятство.

Уже в палате медсанбата к нему пришел легко раненный старшина Ибатуллин, принес его полевую сумку, вещмешок и рассказал, как кончился тот бой.

– Немцев выбили из рощицы и почти всех положили в открытом поле. Половина из них были офицеры и унтеры. В плен сдались только двое раненых. Летчиков с «юнкерса» взяли без сопротивления. На шум боя из полка прислали взвод конных разведчиков, те прочесали всю округу, нашли еще две группы немцев, прятавшихся по блиндажам, взяли в плен, те даже и не стреляли, сразу «хендехох». Они же тебя и довели на коне до санроты, крови ты тогда много потерял. Автоматчика, что тебя срезал, тут же ребята и кончили. Был фельдфебель-танкист, с крестом. Давай поправляйся, а нам еще надо на Берлин топать.

Попрощались трогательно, хотя знали друг друга всего несколько часов – на фронте время течет по-другому... Дальше начались привычные скитания по поездам и госпиталям. Сначала эвакогоспиталь в городе Джаско, потом местечко Ланцуг, Львов, Проскуров. Раны в бедре чистили, заживали они плохо, держалась температура, и он часто терял сознание на перевязках. Еле отстоял ногу от ампутации. Из Проскурова санитарным поездом привезли на поправку в Кисловодск в бывший санаторий Центросоюза.

Там его догнали письма от жены из Вятских Полян, целая пачка. Жена писала, что дети здоровы, работает по-прежнему в санчасти оборонного завода, любит и ждет. Здесь же в санатории, его нашли и награды – ордена Боевого Красного знамени и Красной звезды, «ходившие» за ним еще с Калининского фронта. Здесь встретил День победы. Отсюда и демобилизовался в августе сорок пятого. Так кончилась Великая Отечественная война для лейтенанта пехоты Дмитрия Колесникова.

Когда он худой, с палочкой и тощим «сидором» с немудрящими гостинцами, появился в дверях родного дома, когда на нем повисла плачущая от радости жена и двое подросших и тоже ревущих пацанов, только тогда он ощутил что выжил в этой войне и заплакал

Он не выслужил на фронте больших звезд, оставшись лейтенантом. Он просто честно прошел в пехоте всю войну и остался жив. Это и было главным его завоеванием.

Слава еще мальчишкой любил перебирать в шкатулке, сделанной для матери пленными немцами, отцовские награды, парадные погоны капитана МВД (отец дослуживал во внутренних войсках до 1954 г.), примерял его китель. У него, как у всех уважающих себя пацанов в леспромхозовском поселке, было много всяких военных вещичек – в тайнике под крыльцом дома лежали трофейный фонарик «Даймонд» с разноцветными стеклами, кобура от «вальтера», ржавый корпус «лимонки», еще более ржавый наган без барабана и куча позеленевших стреляных гильз и винтовочных патронов, выкопанных на местах боев гражданской войны. Они с приятелем Костей часто играли с пацанами в войну, и даже рыли в лесу окопы. Правда вот немцами никто быть не хотел.

Отец скупно и неохотно рассказывал о войне и только несколько раз, после дня Победы, после встречи с такими же фронтовиками (тогда это были еще молодые и крепкие мужики) Слава услышал несколько его историй. Прихрамывал он до конца жизни.

Однажды мать достала из папки с отцовскими военными документами бережно завернутый в целлофан старый, побитый молью, суконный офицерский полевой погон с малиновым выцветшим кантом и двумя потускневшими звездочками. На погоне были видны какие-то бурые пятна и с края был вырван кусок. Она и рассказала Славе эту историю. Много позже, когда Слава уже служил в армии, на стрельбище прицеливаясь из автомата в мишень, он ощутил прикосновение изогнувшегося погона гимнастерки к правому уху. И похолодел, вспомнив отцовский шрам и тот, залитый кровью лейтенантский погон. Как близко отец был от смерти... А чуть левее – и его, Славы, тогда не было бы вообще. И теперь, увидев седого ветерана с медалями на пиджаке, он всегда вспоминает своего отца. Его, и тех его боевых друзей из поселка, уже давно нет в живых. А награды отца и погоны с горящими глазами перебирает в старой шкатулке Славин сын-внук того лейтенанта.

Камчатский инцидент 1945 г.

При работе с материалами к серии рассказов «Одиссея капитана Йорка» я столкнулся с упоминаемым у нескольких авторов случаем обстрела неизвестными самолетами без опознавательных знаков двух наших пограничных катеров на Камчатке в августе 1945 года. При этом были повреждены катера, убиты и ранены моряки-пограничники, которым все же удалось сбить один из нападавших самолетов. Разумеется, пройти мимо такого факта было просто невозможно, и я начал поиск в интернете и в библиотеках. И вот что удалось выяснить...

Прежде всего, надо понять напряженную обстановку, сложившуюся на море в том районе с 1941 года. Это непрерывные провокации со стороны японских кораблей и самолетов, обстрелы, потопления и задержания торговых судов. Японские боевые корабли нагло вели себя в Охотском море и на его побережье, японские суда под их прикрытием браконьерствовали в наших водах, высаживали на берег разведгруппы. Противостоять им было сложно – крупные боевые корабли Тихоокеанского флота в тех местах практически отсутствовали, пограничные и сторожевые катера не могли противостоять японцам в открытом бою, к тому же мешал пресловутый нейтралитет, который строжайше было запрещено нарушать. Ситуация изменилась только к 1945 году с поставками кораблей и катеров по ленд-лизу. Это обстоятельство внесло в службу камчатских кораблей и катеров дополнительные сложности. К ним следует добавить проблемы с техническим обеспечением флота. Все ресурсы в первую очередь направлялись на фронт, пограничники снабжались «по остаточному принципу». Но никто не роптал, понимая, что именно на западе решаются судьбы страны и всего мира. В этих невероятно сложных условиях успешно нести службу по охране государственной границы морякам-пограничникам помогал их высокий профессионализм – экипажи кораблей и катеров состояли из краснофлотцев, призванных еще в довоенный период, некоторые служили уже по 11 лет. Вот только один из многочисленных эпизодов их службы.

Однажды летом 1942 года пограничный катер, отправив очередную задержанную японскую шхуну в Петропавловск, зашел в устье реки Жупанова, чтобы пополнить запас пресной воды. А когда решил вернуться в море, то оказалось, что выход из реки преграждают два японских эсминца. Командир катера в сложившейся ситуации предпочел вернуться на прежнюю стоянку вверх по реке, куда японские кораб-

ли, обладающие большей осадкой, пройти не могли. Еще несколько часов находились эсминцы возле устья реки Жупанова. Наш катер сумел покинуть реку лишь после того, как японцы ушли – никаких шансов у катера типа МО-4, вооруженного 45мм пушками и крупнокалиберными пулеметами в бою с эсминцами просто не было.

С перенесением боевых действий в северный район Тихого океана активизировались и США. Успешно проведя десантную операцию по освобождению Алеутских островов, американцы оборудовали там военно-воздушную и военно-морскую базы, с которых вели активную борьбу с японским судоходством и наносили интенсивные бомбовые удары по японским войскам и укреплениям на Курилах. В ходе боевых действий доставалось и нашим торговым судам, перевозившим грузы по ленд-лизу. Так грузовой пароход «Джурма» 7 июня 1942 года в Тихом океане в районе Датч-Харбора получил повреждения в результате пулеметно-пушечного обстрела группы американских самолетов (снарядами и пулями пробита обшивка надводной части борта, загорелась цистерна с нефтью и возник пожар на ботдеке), было ранено 13 членов команды; грузовой пароход «Одесса» – 3 октября 1943 года в Тихом океане на переходе из Акутана в Петропавловск-Камчатский в 300 милях от него поврежден в результате попадания торпеды американской подводной лодкой, очевидно, S-46 (в результате взрыва образовалась пробоина в левом борту в районе трюма № 5); танкер «Эмба» – 14 октября 1944 года в 6:45 в Первом Курильском проливе поврежден в результате атаки одиночного американского самолета (от взрыва авиационной бомбы в борту ниже ватерлинии образовалась пробоина, через которую внутрь корпуса стала поступать вода, возник крен, имелись пулевые пробоины), ранено 2 члена команды. Нервозная обстановка нередко приводила к инцидентам с взаимными обстрелами кораблей и самолетов, когда невозможно было разобрать, кто перед тобой. К тому же, видимо, американские моряки и летчики руководствовались принципами «топи их всех» и «прав тот, кто стреляет первым». Памятуя о союзных отношениях СССР и США в минувшей войне, американцы позволяли себе весьма вольно пользоваться воздушным пространством в районе ведения боевых действий, часто пролетая над кораблями и военными базами ТОФ. Говоря об этом, не следует забывать, что американские летчики, скорее всего, не задумывались о нюансах большой политики, полагая, что фронтовое братство превыше всего. Но политическому и военному руководству США уже стали нужны поводы для конфликтов

и долго искать их не пришлось. Так, с мая по сентябрь 1945 г. зафиксировано 27 подобных фактов с участием 86 самолетов различных типов, в основном В-24 «Либерејтор» и В-25 «Митчелл». (Напомним, что первые поврежденные в боях американские самолеты стали садиться на Камчатку с 1943 года). Уже 20 мая 1945 года зенитной артиллерией Тихоокеанского флота в районе Камчатки были обстреляны два В-24 «Либерејтор» ВВС США. Подобный же инцидент произошел в том же районе 11 июля 1945 года с американским Р-38 «Лайтнинг». Правда, в обоих случаях огонь велся не на поражение, так что самолеты США не пострадали. Так этот бой описывается в газете «Граница России. Северо-Восток» (№5 от 09.02.2010г).

«Пограничные сторожевые катера «морские охотники» ПК-7 и ПК-10 22-го дивизиона сторожевых катеров (из состава сил Ордена Ленина 60-го (Камчатского) морского пограничного отряда Приморского пограничного округа) готовились совершить переход из Петропавловска-Камчатского в Усть-Большерецк. Ранним утром 6 августа 1945 года на ПК-10 поднялся старший перехода командир дивизиона капитан 3 ранга Никифор Игнатьевич Бойко. Выслушав доклады, он дал команду экипажам сниматься с якорей. Предстояло обогнуть мыс Лопатка – южную оконечность Камчатки, которая почти упиралась в пока еще принадлежащий японцам остров Шумшу. Здесь несли службу японские надводные корабли и субмарины, в воздухе барражировали их самолеты. Правда, летом 1945 года весь флот и значительную часть авиации японцы с Северных Курил перебросили на юг, где они вели тяжелые бои с американцами. И, тем не менее, опасность обстрела и нападения с воздуха для пограничных катеров сохранялась. Уже на переходе радист головного катера главный старшина Чебунин принял радиogramму, переданную с мыса Лопатка. Дислоцированная там 1116-я батарея ПВО флота сообщала, что над ней в северном направлении прошли два самолета. Зенитчики не стали по ним открывать огонь. Машины по типам наблюдатели классифицировали как американские – следовательно, союзники. На катерах самолеты заметили спустя 12 минут. Встреча состоялась в районе Гаврюшкина камня. Первым шел двухмоторный средний бомбардировщик. За ним следовала тяжелая четырехмоторная машина. Оба самолета, выкрашенные в темно-зеленый цвет, опознавательных знаков не имели. На катерах сыграли боевую тревогу. Опыт контактов с японцами заставлял готовиться при встречах с соседями к большим неприятностям. Вот и в то августовское утро мирно разойтись не удалось.

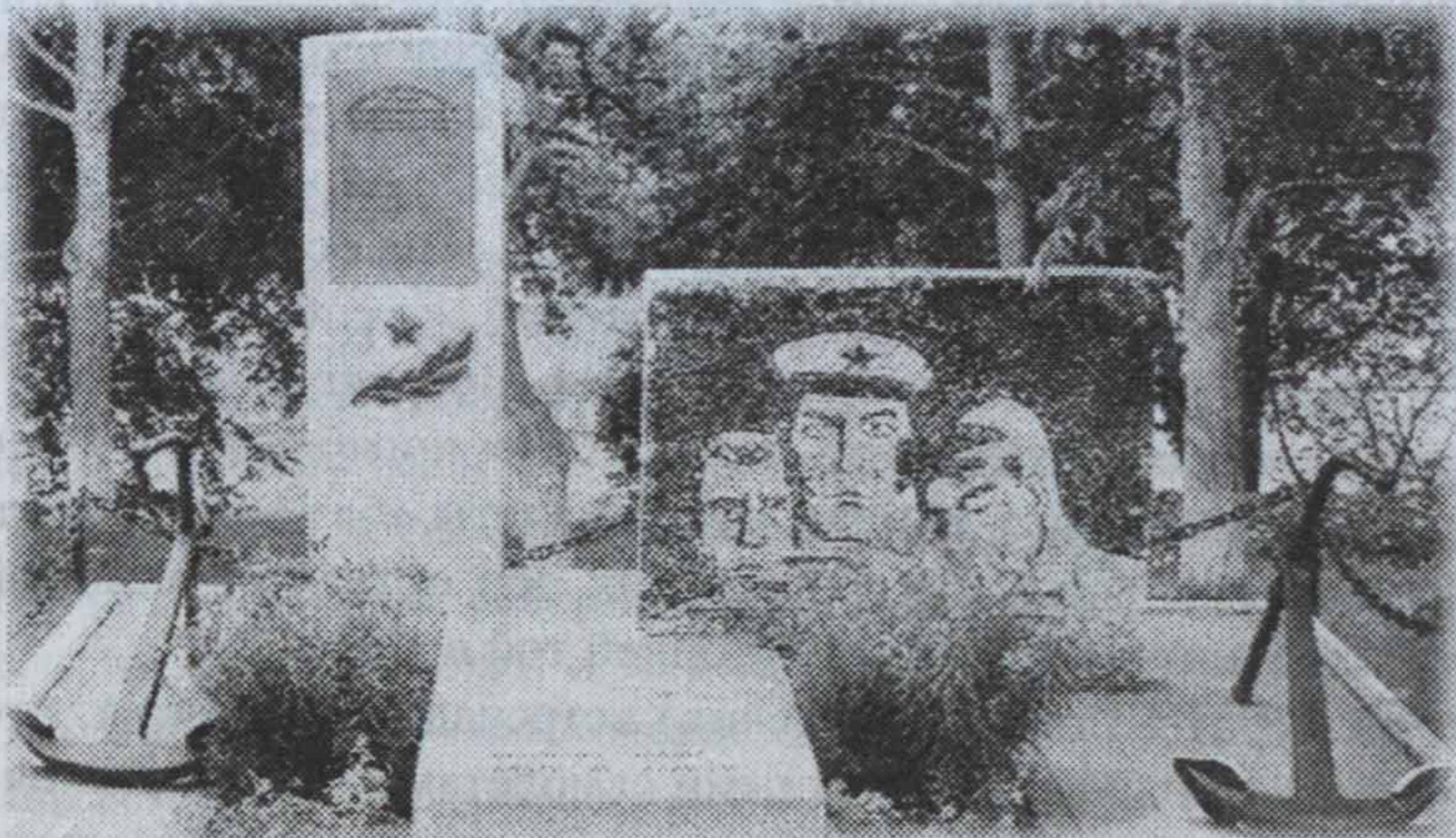
Первым на высоте около ста метров на боевой курс лег средний бомбардировщик. До последнего момента пограничники, занявшие боевые посты, надеялись, что летчики пролетят мимо, потому и сами не торопились открывать огонь. Самолет открыл огонь первым. Пули и снаряды вздыбили воду у левого борта «десятки», которая шла головной. Сразу был убит капитан 3 ранга Бойко, находившийся на ПК-10. «По бомбардировщикам открыли огонь из всех видов оружия. Самолеты сделали шесть заходов», — напишет на следующий день в донесении начальнику войск Приморского погранокруга НКВД СССР генералу П.И. Зырянову начальник Камчатского пограничного отряда полковник Ф.С. Трушин. ...Тяжелый бомбардировщик вслед за первой машиной тоже лег на боевой курс. Ощетинившиеся огнем «морские охотники» не позволили штурману самолета хорошо прицелиться. Три бомбы легли в стороне от катеров, четвертая вошла в море в нескольких метрах от «десятки», накрыв катер стеной воды и осколков. Пулеметы и пушки бомбардировщиков вели плотный огонь. Уже в первые минуты боя катера получили многочисленные пробоины, в том числе ниже ватерлинии, потеряли ход, остались без радиостанций, поврежденных осколками и пулями. Под палубой ПК-7 вспыхнул пожар. Спас «морской охотник» старшина группы мотористов мичман Золотов. Он, спустившись в объятый пламенем отсек, закрыл дверь переборки и палубный люк. Огонь, лишенный доступа воздуха, погас. Краснофлотец Дубровный и боцман мичман Чебунин заделали пробоины в катере, расположенные ниже ватерлинии, через которые хлестала вода. На ПК-10 загорелась ходовая рубка. Пожар потушили старшина 2 статьи Клименко и краснофлотец Голодушкин. На катере осколком срезало гафель с ходовым Военно-морским пограничным флагом. Краснофлотец Бессонов, рискуя жизнью, поднял вымпел на кормовом флагштоке. Тем временем вода затопила носовое моторное отделение. «Охотнику» только благодаря чуду, а также мастерству и мужеству экипажа удавалось держаться на плаву. Бой длился 27 минут и завершился в 9 часов 59 минут.

«На ПК-7 тяжело ранены 4 человека, легко — 7 человек, в том числе командир катера Овсянников Василий Федорович. На ПК-10 убито 7 человек, тяжело ранено 2 человека, в том числе командир катера старший лейтенант С.В. Мореловцев, легко ранен один человек. Личный состав утверждает, что на последнем заходе один из самолетов был подбит, задымил и пошел на снижение в районе мыса Инканюш вглубь полуострова», — завершит донесение во Владивосток полковник Ф.С.

Трушин. Подбить двухмоторную машину удалось командиру кормового орудия ПК-7 старшине 2 статьи Макарову и установщику прицела старшему краснофлотцу Хмелевскому. На следующий день летчики пограничного авиаполка сделали попытку обнаружить с воздуха упавшую машину. Поиски завершились безрезультатно»... Катера, устранив повреждения, направились обратно в Петропавловск. Погибших и умерших от ран моряков похоронили на территории погранотряда».

Скромный памятник и сейчас находится там, за ним бережно ухаживает нынешнее поколение морских пограничников. Справа на панели памятника – мозаичное панно с тремя скорбящими сослуживцами, а слева – бетонная плита, на которой на бронзовой табличке высечено:

«Моряки-пограничники, погибшие в боях при охране государственной границы 6 августа 1945 года:

Бойко Никифор Игнатьевич кап. 3 ранга 1915 г.

Гаврилкин Сергей Федорович ст. 2 ст. 1919 г.

Андрианов Михаил Николаевич ст. 2 ст. 1918 г.

Тихонов Петр Яковлевич ст. 2 ст. 1917 г.

Крашенинников Василий Иванович ст. красн. 1919 г.

Зимирев Андрей Иванович ст. красн. 1922 г.

Дубровный Алексей Петрович ст. красн. 1921 г.

Калякин Василий Иванович красн. 1924 г.».

Еще трое краснофлотцев пропали без вести (видимо убитыми упали за борт во время боя). А через два дня СССР объявил войну Японии, и начались активные боевые действия. Но при подробном рассмотрении материалов этого инцидента не все оказалось так просто.

Героизм советских моряков-пограничников, проявленный в этом коротком бою бесспорен. Учитывая то обстоятельство, что по опыту второй мировой войны на море такие схватки с катерами, как правило, заканчивались победой авиации. Морские штурмовики союзников могли создать настоящий шквал пулеметно-пушечного огня, сметавший с палуб все живое. К тому же советские катера типа МО предназначались для выполнения в основном сторожевых, противолодочных и конвойных функций, а 45-мм полуавтоматические пушки с одиночным заряданием и ручной подачей снарядов в борьбе со скоростными воздушными целями были малоэффективны. Тем не менее, морякам удалось успешно отбиться огнем из пулеметов ДШК, хотя и не без потерь.

А вот вопрос, кто же напал на наших пограничников, долгое время оставался неизвестным. Это и понятно, через два дня СССР вступил в войну с Японией, и началась крупномасштабная и кровопролитная десантная операция по освобождению Курильских островов и Южного Сахалина от японских войск, на фоне которой это событие просто оказалось малым и незначительным эпизодом. Пограничные катера тоже активно участвовали в десантах, часть из них погибла и получила повреждения. Тем не менее, вопрос, чьи самолеты «без опознавательных знаков» атаковали наши корабли, до сих пор оставался загадкой для многих людей, интересующихся историей той войны.

В ряде СМИ (даже камчатских) встречались сведения, что оба катера были потоплены неизвестными самолетами. Некоторые очевидцы того боя (!), из числа моряков, считали, что их в течение получаса обстреливали японские истребители. Это можно было бы объяснить, если речь шла о мотористах из БЧ-5, находившихся внутри корпуса. По другим сведениям, налет на катера совершили два двухмоторных бомбардировщика В-25 «Митчелл». Этот тип средних бомбардировщиков чаще всего принимал участие в налетах на Северные Курилы (тогда откуда взялись данные о четырехмоторных самолетах?). Кроме того, в бомбо-штурмовых ударах по Курилам участвовали и двухмоторные флотские самолеты РВ-1 «Вентура» и армейские четырехмоторные тяжелые бомбардировщики В-24 «Либерејтор». Японская авиация на Курилах была представлена в основном самолетами-торпедоносцами на Шумшу (12) и истребителями (18) на Парамушире (их остатки до сих пор находят поисковики). Остальные исправные ударные самолеты были переброшены на южное направление, где американцы уже вели упорные бои за Окинаву. Тем более, что эти немногочисленные истре-

бители были задействованы в борьбе с налетами американской авиации и охотиться за катерами в советских территориальных водах вряд ли могли – они хорошо ориентировались на местности и разбирались в типах советских кораблей. Да и войны с СССР еще не было.

Утверждение о том, что самолеты не имели не опознавательных знаков, тоже вряд ли убедительно. Во время войны такие вещи просто не проходят – все самолеты воюющих сторон всегда несут на себе опознавательные знаки ВВС своего государства, номера, буквенные и цифровые коды, хорошо различимые с земли, чтобы исключить обстрел со стороны своих войск. Можно предположить, что это были американские самолеты, летавшие на бомбежку островных укреплений и кораблей на Шумшу и по ошибке обстрелявшие наши катера, потому что с высоты полета трудно определить их принадлежность. Но говорить об этом в то время не сочли нужным – мы были союзниками. Тем более, что факты обстрелов американцами советских войск по ошибке уже имели место в Европе. Ответ на эту загадку нашелся на одном из форумов. Как и в большинстве других случаев, ответ был из-за границы.

В сообщении старшего историка базы ВВС США Элмендорф российскому историку К.Б. Стрельбицкому были представлены копии разборов полетов четырех самолетов военно-морской авиации США РВ4У-2 «Privateer» на северные Курильские острова, датируемые 5 августа. Между Алеутами и Камчаткой 21 час разницы во времени, поэтому полет датируется «вчерашним» днем. Два первых самолета (позывные-flightAble, бортовые номера: 86V и 92V), пилотируемые лейтенантами Мойером (Moyer) и Хофмайером (Hofheimer), вылетели с базы на острове Шемоа около 8 утра алеутского времени (5 утра 6 августа по Камчатке) и около 12 (алеутское время) начали снижение у берегов Камчатки. Оба лейтенанта только что переучились на этот новый тип самолета и никогда не летали в этом регионе. Плюс, это было первое боевое задание из только что сформированного подразделения VPB-120 (бомбежка целей на Курилах). Всего за 5 дней до этого их часть в полном составе перелетела на Шемоа с тренировочной базы на острове Видби в штате Вашингтон. Несмотря на 2500 часов летного стажа у одного из пилотов, и 3100 часов у второго, похоже, что в то утро они «промахнулись» и оказались километров на 50 севернее, чем планировали – во всяком случае, так написано в послеполетном рапорте. (В районе острова Уташуд их заметили советские пограничники, опознали как самолеты В-24«Либерейтор» о факте нарушения воз-

душного пространства СССР было доложено по начальству). Около 12:20 (9:20 по Камчатскому времени) первый самолет с лейтенантом Мойером за штурвалом, обнаружил 2 корабля возле берега Камчатки у острова Гаврюшкин Камень, и (полагая, что он находится у восточного берега Парамушира) сходу атаковал их. Вскоре к нему присоединился и самолет лейтенанта Хофмейера, однако на втором заходе стрелок разглядел советские флаги и командир отозвал атаку, после чего они улетели продолжать задание по облету Шумшу и Парамушира.

В общей сложности самолеты сделали 7 заходов на цель и выпустили около 5000 (!) патронов из пулеметов 50 калибра (12,7мм) по нашим кораблям. Несмотря на ответный огонь, сами не получили ни царапины. Поскольку на американских самолетах при открытии огня автоматически включались фотоаппараты, сразу после возвращения был подтвержден факт ошибочной атаки. Неясно, дошло ли дело до межгосударственных нот, но высшее начальство американского Тихоокеанского флота участвовало в разборе происшествия. В ходе него выяснилось, что лейтенант Мойер не только не знал своего точного местоположения, но и грубо нарушил инструкцию по опознанию кораблей (он должен был сделать опознавательный проход над целью, прежде чем, открывать огонь на поражение).

Таким образом, из-за навигационной ошибки и нарушения инструкции произошел бой, погибли люди. В западных армиях такие случаи носят название «дружественный огонь». Осталось неясным, что за самолет был сбит и вообще, имел ли место такой факт. Тем более, что в том направлении сбитого двухмоторного самолета обнаружено не было. Правда, в 60-х годах на Камчатке около вулкана Мутновский геологи действительно нашли место катастрофы американского бомбардировщика РV-1 «Вентура» (б/н 31), не дотянувшего до Петропавловска после повреждений во время бомбежки Шумшу. Но это был самолет лейтенанта У. Уитмана, пропавший без вести 23 марта 1944 года. Других сбитых американских самолетов в тот день не было зафиксировано. Возможно, самолеты уходили на форсаже, оставляя за собой дымный след, что могло быть ошибочно признано за факт попадания.

РВ4У-2 «Приватир» был морским патрульным самолетом, выполненным на базе бомбардировщика В-24 «Либереитор». Он имел мощное вооружение из 12 крупнокалиберных пулеметов «Браунинг» М2 и бомбовую нагрузку 5806кг. Основное назначение – борьба с кораблями и подводными лодками. Это был очень опасный противник.

Тем больше слава наших моряков-пограничников, на маленьких деревянных катерах выдержавших этот неравный бой.

Вот такая оказалась правда этого инцидента. Но нарушения американцами наших границ продолжались и впоследствии. После капитуляции Японии и до конца 1950 г. произошло не менее 46 нарушений с участием 63 машин. При этом только с 27 июня 1950 г. по 16 июля 1950 г. отмечено 15 нарушений.

Жаркий июль 1953-го

Ровно 60 лет тому назад закончилась Корейская война, начавшаяся с локального конфликта и чуть не превратившаяся в третью мировую. На земле, на море и в воздухе шли жестокие бои, гибли тысячи людей. И хотя формально воевала Северная Корея с Южной, фактически это было противостояние СССР и КНР против США. Наконец, в июле 1953 года в Паньмыньчжоне было заключено долгожданное перемирие и война начала затихать, хотя и не сразу – слишком сильным было взаимное ожесточение. На китайских аэродромах еще полгода оставались наши летчики на МиГ-15 и военные специалисты в сухопутных частях КНА. Была реальная возможность реванша американских и южнокорейских войск. Но целью этого рассказа являются всего два эпизода июля 1953 года, показывающие всю остроту положения.

Утром 27 июля 1953 года на аэродроме Тученцзы советской военно-морской базы в Порт-Артуре готовился к вылету военно-транспортный самолет Ил-12 593 отряда 5-го ВМФ. Это был один из новейших по тем временам транспортных самолетов, в полку их было всего лишь два. Командиром экипажа был капитан Д.А. Глиняный, опытный летчик военно-транспортной авиации. Второй пилот – старший лейтенант И.М. Игнаткин, в состав экипажа входили также капитаны: И.В. Мулин; В.А. Тарасов; старшина Н.Г. Коновалов; старший сержант Н.А. Быленок. Экипажу поставили задачу доставить на аэродром Южная Угловая (близ Владивостока) трех офицеров-медиков 27-й лаборатории авиационной медицины ВВС 5-го ВМФ и двенадцать офицеров и сержантов, следовавших в отпуск и командировки.

Погода была хорошая, да и маршрут, которым они проходили уже не один десяток раз, знаком и облетан ими давно, и никаких особых сюрпризов не предвещал. После небольшой задержки – ждали припозднившегося пассажира – Ил-12 развернулся, и, пробежав по бетонке,

взмыл вверх. Но приземлиться во Владивостоке им было уже не суждено. Через два с половиной часа, в 12:28, когда Ил-12 находился на китайской территории в 110 км от корейской границы, недалеко от городка Хуадянь, из облаков появились сразу четыре американских истребителя F-86 «Сейбр» и начали в упор расстреливать безоружный самолет... Обломки сбитого «Ил-12», который еще в воздухе развалился на две части, рухнули в горы. Когда их нашли, стояла страшная жара, и то, что осталось от людей, захоронили в Порт-Артуре. Только в декабре того же года останки кремировали и перевезли во Владивосток. Тогда и появился в

тихом Жариковском скверике на остановке «Дальзаводская» скромный памятник самолету Ил-12, ставшему одной из последних жертв корейской войны.

Именно в этот день, 27 июля 1953 года, в Паньмыньчжоне было заключено долгожданное перемирие. За несколько часов до подписания Паньмыньчжонского договора в воздушное пространство Кореи и Китая вторглись военные самолеты США! Более 70 из них появились в районе, где пролегла воздушная трасса Владивосток – Порт-Артур. По заявлению китайского руководства в этом провокационном акте, принимали участие 53

группы (всего 324 самолета), следовавшие различными маршрутами. Об одной из групп появилась следующая информация: "Четыре военных самолета F-86 вторглись на китайскую территорию через район Линьцзян в 11:19 и затем взяли курс на юг в 11:22". Так на пути Ил-12 оказалась группа F-86, принадлежавших 335 эскадрилье 4-го истребительного авиакрыла ВВС США. Ведущим группы был капитан Р.С. Парр, известный ас, его ведомым старший лейтенант Э. Скаффи.

Вот как описывал этот эпизод капитан американских ВВС Ральф Парр (личный номер АО 823933) в рапорте на имя вышестоящего командования: «...Я осуществлял полет на истребителе-разведчике с бортовым номером 959 по «оранжевой» степени боеготовности. В 12 ч 30 мин. обнаружил самолет противника, когда он был под моим самолетом. Совершив два захода с целью опознания, я увидел на самолете «Ил-12» большие красные звезды. Во время третьего захода я открыл

огонь. Оба двигателя самолета противника загорелись, а затем он взорвался...». Доклад его ведомого тоже не отличался подробностями: «Мы обнаружили самолет противника, летящий над Сев. Кореей курсом на Восток. После двух опознавательных заходов мы убедились в том, что неопознанный самолет является самолетом противника". Американские пилоты в своих рапортах скромно умолчали, что это был безоружный пассажирский самолет. Почему летчики ВВС США после объявления мира на Корейском полуострове атаковали советский самолет, да еще и над китайской территорией, в рапортах также не объясняется.

Обращает внимание попытка сместить на юг место преступления, а три захода потребовались, чтобы получить разрешение на уничтожение самолета. Американские летчики оказались едины и в другом — в советском самолете они видели противника, хотя в состоянии войны наша страна и США не состояли и совсем недавно были союзниками. Тем более, что воздушная война с американцами велась на самолетах МиГ-15 с опознавательными знаками Северной Кореи, а не СССР.

Выписка из акта расследования обстоятельств гибели самолета Ил-12: Пассажирский самолет Ил-12, принадлежащий Советскому Союзу, вылетел с аэродрома Тученцзы 27 июля 1953 г. в 8 час. 47 мин. по пекинскому времени по маршруту Порт-Артур — Владивосток, пролегающему над территорией КНР, имея на борту 6 человек экипажа и 14 пассажиров, следовавших в отпуск, в командировки и возвращавшихся из командировок. Получаемые с борта самолета радиограммы свидетельствовали о нормальном течении полета по перелетной трассе. В 11 час. 15 мин. с борта самолета получена последняя радиограмма, сообщавшая о месте самолета и погоде по маршруту, после чего связь прекратилась.

В 11 час. 16 мин. станции ВНОС отметили самолет Ил-12, следовавший по перелетной трассе, над пунктом Хуадянь, а в 11 час. 18 мин. в этом же районе обнаружили две группы самолетов типа Р-86, по 4 самолета в каждой группе, следовавшие на север.

В 11 час. 26 мин. над пунктом Хуан-Гоу произошла встреча самолета Ил-12 с одной из групп Р-86 в составе 4-х самолетов, после чего радиолокационные станции самолет Ил-12 не отмечали.

По показаниям местных жителей, между 11 и 12 часами дня 27 июля они слышали необычный звук самолетов и стрельбу в воздухе, затем последовал взрыв. После взрыва они видели падающий горящий большой самолет, от которого в воздухе отделялись предметы.

На месте падения Ил-12 обнаружено: на кабине и фюзеляже 19 пробоин от крупнокалиберного пулемета; у 6 трупов из двадцати имеются следы пулевых ранений. Все собранные материалы подтверждают, что самолет Ил-12 был атакован в 11 час. 26 мин., сбит и упал в 4-х километрах от деревни Маоэрошань, провинция Гири.

ЦВМА. Ф. 2. Оп. 032858. Д. 260. Л. 12-14.

В ответ на ноту МИД СССР, правительство США признало факт уничтожения советского самолета и во избежание международного осуждения в ноте от 1 августа посчитало необходимым заявить, что инцидент якобы произошел над корейской территорией в 8 милях к югу от пограничной реки Ялуцзян. Вместе с самолетом Ил-12 безвременно прервалась жизнь 21 человека, тела которых обнаружили на месте катастрофы. В пересеченной местности, покрытой кустарником, их останки разыскали с трудом. Не все еще удалось выяснить, на некоторые вопросы нет ответа до настоящего времени.

В документах Центрального военно-морского архива содержатся данные о наличии на борту самолета 20 чел., фамилии которых известны. Такое же количество показано на цоколе памятника, во Владивостоке. Но оказалось, что найдено 21 тело. Кто этот неизвестный? Возможно, экипаж посадил его, не показав в полетном листе, а возможно фамилия замалчивается. Напомним фамилии погибших:

Командированные и следовавшие в отпуск военнослужащие 1744 отдельной дальнеразведывательной эскадрильи: капитан А.Д. Волошин; старшие лейтенанты А.Н. Лазарев; С.С. Недогин; Н.С. Назаров; В.С. Сатинов; В.В. Жигулин; сержанты Е.И. Козлов; Н.Г. Галеев. Летчики и штурманы 1534 минно-торпедного полка: старшие лейтенанты Я.И. Леках; П.М. Тернов; лейтенант В.А. Тарасов. Врачи-специалисты 27 лаборатории авиационной медицины (ЛАМ) подполковники медицинской службы В.С. Ларионов; И.Г. Субботовский; майор медицинской службы В.И. Дробницкий. Кроме перечисленных фамилий на памятнике текст следующего содержания: «Здесь погребены жертвы разбойничьего нападения американских воздушных пиратов на советский пассажирский самолет Ил-12» и дата – 27 июля 1953 г. «Вечная им память безвинно погибшим!»

Руководство СССР предъявило американской стороне счет за ущерб, нанесенный стране в результате гибели людей и потери самолета. Он оказался весьма скромным и составлял 7 445 800 руб. В эту сумму вошли единовременные пособия семьям погибших – 420 тыс.

руб; пенсии детям и престарелым родителям погибших – 5670 тыс. руб, расходы на стоимость самолета, захоронения др. Судя по всему, компенсационных выплат родные и близкие не получили.

После того, как в обломках Ила нашли штурманскую планшетку со списком пассажиров, стало ясно, что один пассажир на самолет не успел. Поругался с женой и опоздал к вылету. Был и еще один, чудом спасшийся матрос, которого сняли с того самого рейса, чтобы освободить место для торопившегося во Владивосток офицера.

Обстоятельства гибели самолета до сих пор не вполне ясны. В рапорте командира звена американских истребителей капитана Ральфа Парра, написанном вскоре после «боя» с безоружным самолетом, говорится, что Ил-12 был сбит... над Северной Кореей. Именно такой версии придерживалась вначале американская сторона. Однако после того как на плоскогорье между китайскими городами Хуадянь и Дуньхуа, куда упал Ил, советскими военными была привезена группа представителей ООН, от той версии американцам пришлось отказаться. Более того – проведенное тогда же расследование (большая часть материалов которого закрыта до сих пор) показало, что еще за час-два до появления советского самолета китайские крестьяне видели несколько упорно круживших над полями «Сейбров», словно кого-то ждали. Значит, Ил-12 не был просто жертвой решивших поразвлечься воздушных пиратов? Тем более, в последний день корейской войны.

Правда, есть предположение, что янки охотились за представителями нашего высшего военного командования, которое, якобы, должно было лететь из Порт-Артура во Владивосток. Трудно представить, что американские пилоты могли решиться на далекий полет наугад, не зная, попадетсЯ им здесь что-нибудь или нет. Значит, наш самолет ждали? Или – ждали не его, а кого-то еще? У одного из погибших членов экипажа Ил-12, штурмана Ивана Мулина, осталось трое детей. Несколько лет спустя (как рассказала дочь Мулина Л.И. Проскурина), к ее маме пришел военный, отказавшийся назвать себя и рассказал, что будто бы по тому же маршруту и в то же самое время должен был лететь другой Ил-12 с высшим командным составом ТОФ на борту. Американцы предполагали, что в этот день на Ил-12 будут вывозить в СССР командный состав наших ВМС с Ляодунского полуострова. И действительно, в тот день в Порт-Артуре проводилась партийная конференция базы ВМС. Присутствовало все партийное начальство ТОФ. После окончания этой партийной конференции они

должны были лететь на этом Ил-12 во Владивосток. Получилось так, что партийная конференция затянулась, а самолету было дано ограниченное время для полета, и вместо начальства на нем отправили членов медкомиссии флота. Американцы, видимо, узнали о вылете нашего начальства, но не знали, что в последний момент произошли изменения с пассажирами этого рейса. Как бы там ни было, но данный поступок американских летчиков и командования не делает им чести и ложится черным пятном на все ВВС 5-й воздушной армии США в Корее. И, якобы, когда советской разведке стало известно, что американцы знают о готовящемся полете, рейс штабного самолета отменили. А чтобы не подставлять ценный источник информации, выпустили ничего не подозревавший гражданский самолет...

По другой версии, американцы ждали маршала Малиновского, который должен был возвращаться во Владивосток из Порт-Артура. Кстати, практика исподтишка подкарауливать и сбивать самолеты с высшим военным руководством враждебных стран существовала у американцев достаточно давно – еще в 40-х годах, где-то ближе к концу Второй мировой, американская разведка расшифровала японские военные шифротелеграммы. В итоге, выяснив график передвижения главнокомандующего флота Японии адмирала Ямамото, американские истребители «Лайтнинг» Р-38 сбивли его самолет вместе с самим главкомом. Спустя 42 часа после того, как в небе над Китаем был сбит истребителями ВВС США советский самолет, произошел новый инцидент... В 6 ч. 44 мин. 29 июля 1953 г. в 130 милях к югу от мыса Гамова радиолокационными станциями Тихоокеанского флота была обнаружена неизвестная воздушная цель, следовавшая курсом на Владивосток. По тревоге на перехват самолета-нарушителя с аэродрома истребительно-авиационного полка в Николаевке тот час были подняты в воздух два дежурных истребителя «МиГ-15» гвардии капитана Александра Рыбакова и гвардии старшего лейтенанта Юрия Яблоновского из 88 гвиап ВВС. Тем временем, РЛС флота в 7 ч 01 мин. зафиксировали, что он вошел в воздушное пространство над нашими территориальными водами залива Петра Великого и продолжает полет в направлении острова Аскольд на высоте 10 тыс. м. В 7 ч 11 мин. командир авиазвена А. Рыбаков на расстоянии 10 км к югу от острова Аскольд обнаружил большой четырехмоторный самолет-нарушитель, оказавшийся бомбардировщиком «РБ-50» с красными полосами на киле и опознавательными знаками ВВС США. Как свидетельствовал

впоследствии Рыбаков: «...Об этом я доложил на землю и, убедившись по показаниям приборов, что нарушитель находится над территориальными водами СССР, стал приближаться к нему с целью показать, что он нарушил воздушное пространство Советского Союза и должен его покинуть. В момент выполнения этого маневра я почувствовал два сильнейших удара по корпусу и крылу своего самолета, после чего кабина разгерметизировалась. «МиГ» стал плохо управляться. Ведомый доложил, что самолет-нарушитель открыл по нам огонь. В ответ с близкого расстояния я дал две очереди из пушек. То же сделал и ведомый по моему приказу. Сразу же после этого самолет-нарушитель с резким креном через крыло ушел вниз и скрылся в сплошной облачности...». В 7 ч 16 мин. – через 15 минут после вторжения в советское воздушное пространство – «РБ-50» ВВС США с высоты 7 тыс. м рухнул в воду в 8 милях к югу от острова Аскольд, где на глубине примерно 3 тыс. м его обломки покоятся до сих пор...

Советские истребители не имели возможности точно засечь место падения сбитого американского бомбардировщика – самолет гвардии капитана Рыбакова, получивший повреждения, плохо управлялся, и «МиГи» по прямой направились после боя на аэродром, где самолет Рыбакова произвел аварийную посадку. Оба летчика были награждены орденами Боевого Красного знамени. Вскоре через службу радиоперехвата в штабе ТОФ узнали, что с одного из японских аэродромов к месту воздушной схватки вылетели 4 американских самолета из спасательной эскадрильи, которые доложили на авиабазу, что из-за густого тумана над морем в районе Владивостока и над местом падения «РБ-50», осмотр водной акватории и поиск членов его экипажа затрудняется. Вечером 29 июля адмирал флота Н. Кузнецов докладывал военному руководству страны: «Совершенно секретно. Министру обороны Союза ССР маршалу Советского Союза тов. Н.А. Булганину. В дополнение к донесению о сбитии американского самолета «Б-50», нарушившего территориальные воды 29 июля в районе Владивостока, докладываю. По данным радиоразведки ТОФ, командующий военно-морскими силами США на Дальнем Востоке адмирал Кларк отдал распоряжение выслать корабли в район 55 км к юго-востоку от острова Аскольд для поиска не вернувшегося на аэродром самолета.»

Вылетавший в район предполагаемой гибели самолета «Б-50» американский самолет «СБ-29» в 20 ч 00 мин. 29 июля сообщил на авиабазу об обнаружении им обломков самолета «Б-50», спасательной шлюпки

и 7 человек, плавающих около этой шлюпки. Двум американским эсминцам и крейсеру в сопровождении эсминца дано указание американским командованием следовать в район 55 км к юго-востоку от острова Аскольд для поиска обнаруженных самолетом спасательной шлюпки и людей с самолета «Б-50». С 4 часов утра 30 июля корабли ВМС США – крейсер и 4 эсминца – приступили к поиску самолета. Через некоторое время два американских эсминца перехватили советский рыболовный траулер № 423, ловивший рыбу в 45 км к югу от мыса Поворотного. Спустив катер, на борт к рыбакам прибыли американские и японские офицеры, пытавшиеся получить какие-либо сведения, касающиеся самолета ВВС США «Б-50», однако из-за отсутствия переводчика разговора не получилось. Осмотрев траулер и убедившись, что на нем нет ни спасшихся пилотов, ни обломков самолета, непрошеные гости покинули судно. В 6 часов утра служба радиоперехвата ТОФ поймала «радио» с американского крейсера, участвовавшего в поисково-спасательной операции, где сообщалось вышестоящему командованию, что эсминец «Пикинг» подобрал из воды второго пилота капитана Джона Роче. Позднее останки еще двух членов экипажа капитана Стенли О,Келли и старшины Френсиса Брауна обнаружили у побережья Японии. После того как американцы потеряли у Аскольда свой «Б-50», они получили повод и большой козырь против иска СССР, с помощью которого решили его отклонить. Янки на весь мир стали доказывать, что воздушными пиратами как раз являются русские, загубившие их самолет и его безвинный экипаж. США утверждали, что «Б-50» не нарушал воздушного пространства СССР и даже близко не подходил к 12-мильной зоне. А русские умышленно уничтожили «Б-50» в качестве мести за сбитый истребителями ВВС США советский «Ил-12» над Китаем.

Помня об иске СССР к США за гибель «Ил-12», эксперты ЦРУ в своем докладе предлагали своему правительству: «...Советский Союз вновь будет обращаться в Международный суд. Но необходимо поставить наши условия и потребовать, чтобы в суд на рассмотрение были переданы и наши дела – иски к русским по поводу гибели «Б-50». И если такое решение будет принято, то ответственность Советов будет значительно превосходить их иск против нас». В конце концов, в силу ряда причин громких международных судебных процессов по фактам уничтожения советского и американского самолетов так и не случилось. А все документы по этим инцидентам и та и другая стороны надолго схоронили за грифом «Совершенно секретно».

В отличие от нашего государства, которое испокон веку цинично и равнодушно относится к памяти воинов, павших в различных войнах и военных конфликтах, американцы трепетно и уважительно относятся к своим погибшим солдатам. Вот и судьба пилотов сбитого над Аскольдом «РБ-50» их волнует все прошедшие с того времени годы. Ведь предпринятые ими усиленные поиски своих товарищей летом 1953г. так и не увенчались успехом. В 90-х годах минувшего столетия, когда было объявлено, что холодной войне пришел конец, и обе стороны стали приоткрывать секретные архивы с делами давно минувших дней, американцы с надеждой ринулись искать следы своих пропавших соотечественников. Кое-что им удалось отыскать, в том числе и по судьбе некоторых своих летчиков с самолетов-нарушителей, уничтоженных над территорией СССР. Однако следов экипажа «РБ-50», сбитого в июле 1953 г., в архивах не обнаружилось. Так, во всяком случае, им было заявлено российской стороной.

Несколько лет назад представители американо-российской совместной комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести посетили Владивосток. По поручению правительства США они обратились к командующему ТОФ с просьбой оказать содействие в поиске обломков самолета «РБ-50» у острова Аскольд, на что были готовы выделить средства. Командование ТОФ откликнулось на просьбу создав оперативную группу по координации сил флота в поиске «РБ-50». Однако флотские специалисты, выставили такой счет, что американцы, пообещав подумать над этими цифрами, больше за помощью к флоту не обращались. И останки бомбардировщика ВВС США «РБ-50» и его пилотов так и остались лежать на дне залива Петра Великого в 55 км к юго-востоку от острова Аскольд.

Там остались тела майора Френсиса Техеды, капитанов Джеймса Кита, Френка Байера, Уоррена Сэндерсона, Роберта Сталнэйкера, Джона Уорда, Ллойда Уиггинса, Эдмунда Чиза, штаб-сержанта Дональда Габры, рядового 1 класса Роланда Гуле, рядовых 2 класса Эрла Редлейка, Чарльза Рассела, Джеймса Вудса.

Эпизод

Всего два эпизода одного месяца 1953 года, две трагедии. Но они характеризуют накал взаимной ненависти, накопившейся за время Корейской войны. Ведь это был не первый и не последний случай, когда на Дальнем Востоке советские самолеты вступали в бой с американскими самолетами-нарушителями. Остатки этих самолетов поисковики до сих

пор находят в глухих местах приморской тайги. И работа российско-американской комиссии еще не закончена. В воинской части, где служили члены экипажа погибшего Ил-12, в то время говорили, что американец не вторгнулся в советское воздушное пространство, его просто уничтожили над нейтральными водами. Око за око. Кто знает...

Использованные материалы:

Е. Шолох (газета «Владивосток», 2.04.1997г.)

Б. Шадрин (из материалов американо-российской комиссии)

Серия рассказов из книги «Белая гвардия», опубликованной в Благовещенске в 2007 г. Эта книга о дальних походах, штормах, экзотических странах и разных случаях, приключавшихся с моряками вспомогательных судов Тихоокеанского флота во время плаваний. Здесь веселые и грустные рассказы о людях и кораблях военно-морского флота восьмидесятых годов. «Белой бригадой» тогда называли соединение танкеров вспомогательного флота, которое несло боевую службу в Тихом океане и Красном море, за тысячи миль от родного дома.

Старый медальон

Это был старинный медальон на почерневшей от времени серебряной цепочке. Он был закрыт, но Андрей знал, что в нем находится – выцветшая от времени детская фотография и локон детских белокурых волос. Немного подержав его на ладони, он медленно разжал руку, и медальон беззвучно канул в темную, слабо колышущуюся воду у Графской пристани. С чувством грусти и облегчения Андрей вышел на Приморский бульвар, постоял у памятника Нахимову и медленно пошел к

штабу севастопольской бригады вспомогательного флота, где ждал рейдовый катер. Глядя на проплывающие мимо берега Северной бухты и белые скалы Инкермана, напротив которых находилась стоянка танкера «Владимир Колесницкий», Андрей вспоминал давнюю историю, связанную с этим медальоном...

Это было два года назад. Танкер вспомогательного флота ТОФ «Илим» уже неделю стоял на ремонте в Марселе, на заводе фирмы ASMP (Ateliers et Shantiers de Marseille Provence), располагавшемся в районе пригорода Мадраг. Судно находилось в старинном сухом доке, грузно повиснув на кильблоках, без винта и гребного вала. Борта по старинке со всех сторон были подперты бревнами, по которым ночами шныряли здоровенные портовые крысы. В соседнем доке, весь в огнях сварки и тучах пыли от пескоструйки, ремонтировался американский эсминец «Джонас Ингрэм». На танкере работало человек тридцать французов, несколько югославов и арабов. Руководил работой главный инженер мсье Логотю, полный, жизнерадостный здоровяк с висячими усами, больше смахивавший на украинца, за что его втихомолку именовали Логотюком. А переводчиком был пожилой, за шестьдесят, худощавый хмурый мужчина Жорж Шестакофф, говоривший по-русски очень правильным, непривычным для моряков литературным языком, иногда вставляя в разговор совершенно непонятные, старомодные выражения. К своей работе он относился добросовестно, как впрочем, и все французы, однако вел себя с моряками очень сухо и сдержанно. Он охотно питался в кают-компании, обожал борщ, с любопытством прислушивался к разговорам, но в беседы никогда не вмешивался. И только однажды, когда по русскому обычаю обмывали удачную сделку по покупке голландской краски, выпил немного и разговорился.

Он был русским эмигрантом из «первой волны», родился в Севастополе, отец был мичманом на эсминце «Жаркий», а мать – сестрой милосердия в морском госпитале. Родители ушли вместе с врангелевским флотом в Бизерту, так что детство его до 1925 года прошло в каюте крейсера «Адмирал Корнилов». Во время войны он участвовал в подпольном Сопротивлении и даже немного повоевал вместе с американцами при штурме монастыря Нотр-дам-де ля Гард, превращенного немцами в укрепленный пункт. Об этом он позднее рассказал на экскурсии в монастырь и даже показал на подбитый американский танк «Шерман», из которого помогал вытаскивать экипаж. Танк, превращенный в памятник, так и стоит на том же месте с пробойной от снаряда в борту.

Однажды Жорж в трюме здорово порезал ладонь, и Андрею пришлось обработать и перевязать ему рану. Потом Жорж часто приходил к нему в амбулаторию, и они разговаривали о жизни, старательно обходя острые политические вопросы – время было такое. Уже в конце ремонта, когда удачно прошли ходовые испытания и готовился прощальный ужин, необычно взволнованный Жорж пришел к Андрею в каюту.

– Доктор, то, о чем я вас попрошу, будет не совсем обычно. Я уже пожилой человек, всю жизнь прожил во Франции, у меня семья, дети и внуки. Мой дом – Марсель, но всю жизнь я помнил, что я – русский. Конечно, в Россию меня не пустят, да и не к кому там ехать. Моя покойная матушка просила меня опустить в воду ее медальон в Бизерте, на том месте, где стоял «Генерал Корнилов», пять лет назад я съездил в Тунис и выполнил ее последнюю волю. Теперь я прошу вас – опустите мой медальон в море в Севастополе. Отец мне говорил, что они на «Генерале Корнилове» отходили от Графской пристани. Папа всю жизнь тосковал о родине. Сейчас он рядом с матушкой лежит на православном кладбище в Эксе, в нашем семейном склепе. А внуки мои по-русски не говорят, им это уже не нужно. Не откажите в просьбе, буду весьма признателен! Я знаю, что все вы атеисты, но поставьте за нас свечку в Морском соборе. И он протянул Андрею руку, на ладони лежал потускневший от времени медальон. Андрей растерянно взял медальон – просьба действительно была не только необычной, но и по тем временам достаточно опасной. Узнает кто из политотдела – все, засунут «под колпак», будешь всю жизнь в каботаже в пределах Охотского моря плавать. А не взять – на всю жизнь будет неловко, что старика обидел.

– Хорошо, – сказал Андрей, – я выполню вашу просьбу. Точно как вы сказали – у Графской пристани. Слово моряка!

Переводчик благодарно посмотрел на Андрея повлажневшими глазами, потом слегка поклонился и вышел из каюты. На ужине он вел себя необычайно раскованно, выпил водки, пел русские песни, плясал и под конец прослезился.

Утром сверкающий новой краской танкер поднял якорь и взял курс на Тунис, а затем на Севастополь. Но в Севастополе побывать в этом рейсе не пришлось – танкеру не дали разрешения на проход Дарданелльского пролива, заправили горючим прямо в море, и он взял курс на Аден. Андрей попал в Севастополь только два года спустя, уже на другом судне. Первое, что он сделал в городе, – пошел на Графскую пристань и выполнил обещание, данное им старому русскому перевод-

чику. А в следующее увольнение с замиранием сердца вошел в храм и, купив большую свечку, попросил поставить ее за упокой душ русских моряков, в чужих землях почивших.

Об истории с медальоном Андрею на много лет пришлось забыть. Старого переводчика, наверное, уже нет в живых, но душа его может быть спокойна, его просьба выполнена – медальон лежит на дне Севастопольской бухты у Графской пристани, сразу возле причала пассажирских катеров. На его родине...

Стояние в Дананге

Пробившись сквозь завесу неожиданно налетевшего тропического ливня, танкер «Владимир Колесницкий» малым ходом втянулся на мелководный внешний рейд южновьетнамского порта Дананг и встал на якорь. Промокшие до нитки матросы боцманской команды, нехорошо поминая погоду, разошлись по кубрикам. Во мраке тропической ночи сквозь струи дождя еле проглядывали стояночные огни немногочисленных судов и мутное световое пятно в стороне города.

Утром, едва развиднелось, со стороны порта показалось некое темное пятнышко, которое вахтенный матрос не смог опознать, а вахтенный помощник, присмотревшись, как-то неуверенно доложил капитану о появлении «неизвестного корытообразного плавсредства», направляющегося к судну, хотя по радио из порта и оповестили о выходе лоцманского катера.

Разбуженный капитан, в кителе и домашних тапочках, посмотрев в свой персональный 15-кратный «цейсовский» бинокль, зевая, покопался в справочнике и классифицировал цель как американский речной бронекатер типа АТС, на котором вьетнамское начальство и портовые власти, видимо, решили нас навестить. Таких катеров штук с сотню досталось вьетнамцам в виде трофеев после войны. Шлепая плоским днищем по мелким волнам, трофейное чудо заморской техники, оцетинившееся пушками и пулеметными башнями, лихо пришвартовалось к парадному трапу, окатив открытые иллюминаторы танкера из своего камбуза удушливой волной запаха традиционного вьетнамского соуса «нюок мам», по слухам, приготовляемого из квашеной рыбы. Амбре от соуса, надо сказать, был совершенно убойное. На борт прибыл комендант военно-морского района с портовыми чиновниками и несколькими офицерами-пограничниками, сразу прошедший в капитанскую каюту.

– Однако солярку будут просить, – уверенно сказал третий механик Петя Скворцов, стоящий рядом со мной на шкафуте правого борта (на левом дышать было уже невозможно). Петя был парень серьезный и умный, в свое время закончивший абсолютно не морское учебное заведение – Киевский институт инженеров гражданской авиации (за что носил негласное прозвище – Чкалов). Затем Петя экстерном сдал за курс средней мореходки и после полугода каботажа на ледоколе «Вьюга» был направлен сразу третьим механиком на танкер, идущий на боевую службу в Красное море.

Сверху, из иллюминаторов капитанской каюты, доносился звон стаканов и возбужденные голоса на двух языках – «дипломатический прием» был в разгаре: законы морского гостеприимства священны и неизменны на всех широтах, а русская водка – она и в Африке водка, незаменимое средство для общения.

В это время мы с Петей заметили маленькую лодчонку, которая направлялась к нам от стоящей мили за полторы от нас полузатопленной старой деревянной баржи. В ней сидели два маленьких пацана, в каких-то лохмотьях, традиционных соломенных шляпах и гребли небольшими деревянными лопатками. Когда они подошли поближе, стало заметно, что лодка очень странной круглой формы и сплетена из прутьев, чем-то обмазанных снаружи. Страшно было смотреть, как эта большая корзина качается на волнах рядом с судном и от ее краев до воды – всего насколько сантиметров. Пацаны показывали на свои рты, кричали тоненькими голосками «ням-ням». На их худеньких тельцах просвечивали ребра, а из одежды было что-то вроде набедренных поясок. И это в декабре! Разумеется, в теплом вьетнамском декабре, но утро было уж очень свежим. И хотя нам было строжайше запрещено давать что-либо вьетнамцам, конечно, мы не удержались. Подкинули пацанам несколько буханок свежего хлеба и консервов. Да из кубрика мотористов через иллюминатор ребята передали несколько рубашек. Больше дать было никак нельзя, так как лодчонка, наверное, тут же сразу бы и утонула. Пацаны что-то бормотали, прикладывая руки к сердцу. Потом начали потихоньку отплывать в сторону баржи, где они, видимо, жили. Вдруг сверху послышалось солидное покашливание, и начальственный бас произнес: «Эт-та что еще за безобразие! Кто позволил? Потом оба ко мне зайдете, с рапортами!». Мы подняли головы вверх – над нами, на шлюпочной палубе, стоял начальник политотдела бригады капитан второго ранга Усенцов, шедший с нами

пассажиром до Камрани. Приспичило же ему выйти покурить! Не сиделось в каюте! Наведя порядок, Усенцов с чувством выполненного долга гордо удалился в капитанскую каюту – продолжать укреплять интернациональные связи, а мы с Петей, разозлившись, пошли по своим каютам писать рапорты.

В плавсоставе бригады танкеров береговых штабников особенно никогда не жаловали, мы-то из морей иногда годами не вылезали, а эти «орлы» раз в год на недельку в море выскочат и гордятся, будто подвиг какой совершили. Правда, были и среди них мужики вполне приличные, в основном из бывших корабельных офицеров, кому здоровье больше не позволяло в море ходить.

После проводов вьетнамского начальства в каюту позвонил расстроенный помполит Леонтьич и сказал, что начальник политотдела ему устроил выволочку, что нам это с рук не сойдет и вечером у капитана будет «разбор полетов». Свой рапорт я написал быстро и пошел к Пете, посмотреть, как у него дела. Всклокоченный Петя дымил сигаретой и яростно стучал на машинке уже вторую страницу рапорта. Глаза его горели, Петю что называется, «несло». Увидев меня, он только замахал руками: мол, не мешай творческому процессу. Ну и ладно! Я спустился в машину, ко второму механику Семенычу, который как всегда находился на своем штатном месте – на четыре метра ниже ватерлинии. Бородатый Семеныч полулежал в мягком кресле, вытянув на пульт длинные волосатые ноги в тапочках 48 размера и, закрыв глаза, казалось, спал. Однако это только казалось, так Семеныч «слушал» машину. Хотя главный двигатель сейчас не работал, но на судне было много вспомогательных двигателей, насосов и электромоторов, и во всей этой симфонии звуков тренированное ухо Семеныча чутко улавливало неправильные тона. За его спиной на переборке висел небольшой плакатик, написанный псевдославянским шрифтом с изречением, приписываемым Петру: «Штурмана народ хамский, до баб и зелья весьма охочий. Слова путнего не скажут, но драку завсегда учинят. Однако из-за знания дело хитрых навигацких наук на ассамблеи допущены быть могут!».

Таким образом питомцы разных отделений Ломоносовского мореходного училища ВМФ традиционно обменивались любезностями. При этом штурманам было явно хуже, поскольку при Петре 1 механиков еще не было.

Я рассказал, как мы с Петей «влетели».

Старина Сэм, потомственный волгарь, проплававший на море

уже тринадцать лет и навидавшийся всяких «залетов» только хмыкнул. Вызвав вахтенного моториста Лешу-Биг Фута, с неистребимым саратовским акцентом приказал тому сбегать в кубрик и сказать, что рубашки вьетнамцам выдали по его личному распоряжению. Пусть-ка еще и его «политрабочие» попробуют зацепить! Подумаешь, трагедия какая. Это еще, братки, не «залет». На том и сошлись.

Биг Фут, прозванный так за то, что при росте 165 сантиметров имел 48-й размер обуви (казалось, будто он идет на лыжах), шустро спустившись по трапу, доложил о выполнении приказа. «Добро!» – традиционно отвечивший Семеныч и снова задраил веки.

После вечернего чая нас с Петей вызвали к капитану. Надев тропическую форму с погонами, мы прибыли в каюту капитана и отдали листки с рапортами. В каюте были только капитан, помполит Леонтьич и стармех, и было уже изрядно накурено. Мой рапорт капитан бегло проглядел, на двух Петиных листках споткнулся, заулыбался, удивленно глянул на совершенно серьезного Петю, потом положил рапорты в сейф и тяжело вздохнул. Капитан Владимиров был человек вежливый и громких «разносов» не любил, придерживаясь ленинского мнения, что наказание страшно не своей жестокостью, а своей неотвратимостью. Поэтому любил долго «мариновать» нарушителей дисциплины, пока те не осознают всю глубину своего падения. Однако на сей раз он был краток и мыслью по древу особенно не растекался.

– В общем так, товарищи командиры! Факт нарушения инструкции на лицо, начальником политотдела подтверждается, нарушителями не оспаривается. Долго разбираться не будем. Вам, Скворцов, выговор, а вам, милейший доктор, «строгач», – так сказать, по совокупности деяний! Надеюсь, помните, как вы две недели назад «послали» ночью группу офицеров с МПК во время заправки! А они, между прочим, уже успели настучать адмиралу! Воспитывать вас всех уже поздно, списывать некуда, так что давайте больше меня не подводить. На этом все! Теперь к делу. Ночью подойдут два бронекатера, надо заправить их соляром, тонны по три. Из судовых запасов, конечно, там у нас экономия приличная. А вьетнамцы с береговой базы просили еще перевязочного материала немного подкинуть на катера и чего-нибудь из лекарств. Вы уж там сами разберитесь, доктор, чего вам не жалко. Завпроду я уже сказал, чтобы по паре мешков муки на каждый катер выделил. Так что тоже проследите. Вам говорю, Андрей Леонтьевич, вы у нас вроде как за интернациональную помощь народу Вьетнама отвечаете. Как закон-

чим, с рассветом снимаемся на Камрань. Все! Все свободны! Старпома ко мне! Мы дружно ответили «Есть!» и, переглянувшись, вышли из каюты, мягко говоря, слегка ошарашенные. Ну, к выговорам-то нам не привыкать: как дали, так и снимут, дело знакомое, даже, я бы сказал, привычное, а вот насчет остального... Поистине, что положено коту, то не положено котенку! Тем не менее мы резво разбежались по местам, готовить «передачу» вьетнамским морякам. Пришлось ночью немного потрудиться. А то, что капитан вспомнил мне про историю с офицерами-противолодочниками, так еще неизвестно, чья это вина. Ночью в Японском море к нам подошли на заправку два малых противолодочных корабля – они там «гоняли» американскую подлодку. Я, разбуженный среди ночи шумом дизеля, выглянул из открытого иллюминатора каюты и был совершенно неожиданно в три голоса беззлобно «обложен» товарищами офицерами, стоявшими на мостике. Соответствующим образом достойно ответив (предложением совершить пешее путешествие по всем известному, давно проторенному маршруту), я спокойно улегся спать. А они, видите ли, обиделись! Но мысль о том, чего же такого смешного написал в рапорте Петя, меня не оставляла, и я попросил у него копию почитать. У Пети осталась только одна помятая страница, но и ее хватило, чтобы понять, почему так улыбался капитан.

Рапорт, хотя по форме и напоминал официальный документ, был выдержан в смешанном духе произведений Ильфа и Петрова и циркуляров Главного штаба ВМФ, после стандартной «шапки» он начинался примерно так: «Сего числа я... находясь на правом шкафуте, между 58 и 62 шпангоутами, совместно с судовым врачом проводил скрытое визуальное обследование акватории внешнего рейда порта Дананг с целью о выявления внешних проявлений диверсионной деятельности в соответствии с директивой ГШ ВМФ от ... года № ... В 10:30 по судовому времени на постовом направлении (курсовой угол 20, дистанция 5 кабельтовых) нами было обнаружено малое плавсредство иностранного производства, без опознавательных знаков, направляющееся непосредственно к судну с неизвестными намерениями, не подавая положенных по МППСС сигналов. Вследствие слабого знания корабельного состава иностранных флотов и при наличии отсутствия соответствующей справочной литературы, плавсредство было ошибочно классифицировано нами как сверхмалая подводная лодка, находящаяся в позиционном положении. В соответствии с п... ст... Корабельного устава (КУ-57) нами было проведено голосовое оповещение дежурно-вахтенной службы.

Поскольку судовая тревога дежурной службой не объявлялась, нами было принято решение скрытно продолжать усиленное наблюдение. В ходе наблюдения, при сближении с плавсредством до 0,5 кабельтовых, было визуально уточнено, что в нем находятся два несовершеннолетних гражданина СРВ, по-видимому, терпящих бедствие. Поскольку у граждан не было установлено наличия запасов продовольствия и пресной воды, необходимых для плавания (о чем они сигнализировали вьетнамскими словами «ням-ням»), нами было принято решение о снабжении вышеуказанных граждан СРВ минимально-необходимым количеством продовольствия из личных запасов для перевода плавсредства на левый борт судна и последующей передачи несовершеннолетних граждан вьетнамским представителям, находившимся на бронекатере № 32. Однако после пополнения запасов граждане от дальнейшей помощи путем активной жестикуляции отказались и, видимо, сочли необходимым самостоятельно добраться до пункта назначения, чему мы воспрепятствовать не смогли в связи с незнанием вьетнамского языка и отсутствием механических удерживающих средств.

В своих действиях мы руководствовались исключительно чувством интернациональной солидарности с народом СРВ, привитым нам на плановых судовых политзанятиях, а также основными положениями «Женевской конвенции об оказании помощи терпящим бедствие на море» 1949 года.

Прошу отметить, что заключительная часть наших действий происходила под наблюдением начальника политотдела, капитана второго ранга В.Г. Усенцова, который не отдавал прямых приказаний об их прекращении, что свидетельствует о правильности принимаемых нами решений.

При этом считаю возможным...» (тут лист обрывался).

Я с трудом оторвался от чтения этого шедевра бюрократического творчества. Ай да Петруччио! Не зря его острого языка помполит Леонтьич откровенно побаивается и от дискуссий старательно увильивает.

Рано утром по судовой трансляции прозвучала привычная команда: «По местам стоять, с якоря сниматься!». Главный двигатель уже работал на малых оборотах. Заработал шпиль, загромыхали выбираемые якорь-цепи, и судно, разрезая форштевнем мутные воды залива, на малом ходу направилось к выходу из бухты Дананга. Вьетнамские бронекатера подняли на мачтах флажные сигналы «Счастливого плавания». Низкие болотистые берега бухты постепенно исчезали из вида.

Стояние закончилось. Впереди нас ждал еще почти год плавания и капитальный ремонт в Югославии, где добрая половина экипажа получала выговоры за слишком крепкие интернациональные связи с местным населением и традиционную славянскую солидарность в отношении спиртных напитков. Но это уже совсем другая история.

Дананг, Вьетнам

Старпом

Появление нового старшего помощника стало на танкере неожиданным событием – наш старина Петрович улетал в Таллин, принимать буксир «МБ-18», построенный в Финляндии, для перегона его во Владивосток. Новый «Чиф» после громогласного и жизнерадостного Петровича выглядел непрезентабельно – невысокий, лысоватый, немногословный, с хмурым лицом. Конечно, придирчивым и суровым ему нужно быть по его положению – старпом на судне отвечает за все, включая стихийные бедствия, так уж устроена морская иерархия. Но наш старпом в этом деле сразу начал перегибать палку, чем настроил против себя добрую половину экипажа. Однако начальство, как и родителей, не выбирают, и на службу в Индийский океан пошли мы все же вместе. Отношения наши с ним ограничивались служебными контактами, но ведь пароход – это маленькая плавучая «стеклянная деревня», где невозможно жить, не встречаясь и не разговаривая. Здесь всегда знают друг о друге почти все, потому что все и во всем зависят друг от друга. Такова особенность корабельной жизни: ведь возможно придется вместе не только плавать, но и тонуть или гореть, что одинаково приятно.

Чиф в этом плане представлял из себя «черный ящик», замкнутый на служебный ключ. При его появлении все старались свернуть разговоры и поскорее разойтись. К молодым штурманам он попросту придирался, доводя их до тихого бешенства нудными поучениями. К тому же его невнятная речь изобиловала всякими двусмысленными словечками вроде «ептыть», «быть-но» и «значить». В общем оратор он был никакой, что выяснилось на первых же плановых политзанятиях, посвященных Конституции СССР. Невнятный, монотонный «бубнеж» без отрыва от текста в сочетании с бесчисленными «ептыть» произвел на команду неизгладимое впечатление.

Однажды, уже в Восточно-Китайском море, он появился на танкерной палубе во время заправки кораблей в здоровенном оранжевом спасательном жилете (строго по инструкции) и яркой вязаной шапочке с помпоном. Навигатор Женя, по прозвищу Кислый Джо (за сварливый характер и постоянно унылое выражение лица), глядя с сигнального мостика ехидно заметил: «Ну, блин, точно как Петрушка!». Сказал как приклеил, с тех пор (за глаза, конечно) Чиф стал Петрушкой.

Надо отдать должное, штурман он был великолепный, да и вообще мужик весьма неглупый – дураков в море на такие должности не ставят, слишком уж они потом дорого обходятся. Кстати, швартовка кормой к пирсу (без буксиров!) ему удавалась легко и красиво, а это одна из труднейших задач. Дураки же, сидящие в высоких минобороновских креслах на суше в далекой Москве, придумали для оперативных эскадр, находящихся на боевой службе интереснейшую новацию – проводить выходные дни в море (чтобы не давать отгулов на суше). Это давало примерно такой же оздоровительный эффект, как и проведение отпуска в служебном кабинете. Судно становилось на якорь, обычно где-нибудь возле архипелага Дахлак в Красном море (некогда бывшей итальянской каторжной тюрьме), и экипаж погружался на несколько дней в «отдых», более напоминавший полуобморочный летаргический сон, прерываемый только для приема пищи и прочих жизненных надобностей.

В один из таких «выходных» мы решили отправиться, под командой старпома, на рабочем катере за кораллами на один из многочисленных безымянных песчаных островков бухты Габбет-мус-Нефет. Прихватили с собой легководолазное снаряжение, немного консервов и шлюпочный анкерок с водой. Высадив часть моряков на песок островка покупаться, мы встали над коралловым рифом и спустились под воду. Прозрачная зеленоватая вода, насквозь пронизываемая отвесными лу-

чами солнца, создавала потрясающей красоты эффект храмовой готической колоннады. Было очень похоже на базилику Нотр-дам-де-ля Гард – «храм всех моряков» в Марселе, который мы в свое время часто посещали. Коралловый риф поражал неопишным буйством красок и обилием рыб самых невероятных расцветок. Все напоминало сказочный сон. Казалось кощунством даже просто входить в этот мир, а не то что брать оттуда какую-то его часть, нарушая хрупкое равновесие природы. Однако проза жизни все же победила. Загрузив в катер кораллы и отловив попутно несколько зазевавшихся лангустов, мы подобрали своих осоловевших на беспощадном солнце морячков и пошли обратно к пароходу. Мерно и убаюкивающе постукивал мотор. На руле стоял полуголый старпом, лицо его, обычно хронически озабоченное, даже как-то разгладилось и подобрело. Неожиданно я заметил на его загорелом плече глубокий шрам от осколочного ранения и спросил, откуда он взялся. Других этот вопрос тоже заинтересовал, и все пристали к старпому с просьбой рассказать. Чиф вздохнул и, не особенно вдаваясь в подробности, поведал историю своего шрама.

Шла очередная эфиопско-эритрейская война. В один из прибрежных городов, окруженный со всех сторон, набилось несколько тысяч беженцев и раненых. Кончалась питьевая вода – наступающие войска захватили господствующие высоты и взорвали водопровод. Для прикрытия эвакуации города были посланы боевые корабли и с ними танкер, на котором помимо горючего находилось несколько тысяч тонн питьевой воды. Подойти к причалу и отдать воду для населения и госпиталей ему мешал огонь артиллерии. По договоренности с осажденным гарнизоном корабли открыли огонь по высотам, заставив замолчать полевые пушки. Под прикрытием мощных корабельных «стотридцаток» танкер, подойдя к причалу, начал перекачивать воду в береговые цистерны и одновременно, вместе с другими судами, принимать эвакуируемых. Это заняло несколько часов, и все время гарнизон из установок «Град» и корабли эскадры вели массированный огонь по высотам. Наконец, отдав всю воду, танкер отошел от пирса, оставив на берегу группу моряков для сворачивания оставшихся шлангов. Они должны были вернуться на рабочем катере. Работу заканчивали уже под обстрелом, а когда катер отошел – вокруг него поднялись всплески минометных разрывов. И хотя попасть из миномета в маленький, пляшущий на волнах катерок очень непросто, несколько осколков все же пробили борт и ранили двух человек, в том числе и старпома, тогда еще зеленого четвертого штурмана.

Конечно, после услышанного Чиф предстал перед нами уже в другом свете и его обычные придирки воспринимались нами уже не так остро, как раньше. А вскоре выяснилось, что он прекрасно играет на гитаре, не дурак выпить и совсем неплохо поет «под Боярского». Да и на Петрушку в общем-то не похож. Как-то постепенно исчезло напряжение в его отношениях с экипажем, народ его зауважал, что в мужском коллективе, надолго оторванном от нормальной жизни, заслужить совсем не просто – в море свои законы. Крутые мужики, рассчитанные на одноразовые громкие и публичные поступки, долго там не выживают – «ломаются» и уходят навсегда, стараясь забыть море, как кошмарный сон. По возвращении на базу Чиф так же спокойно перешел на другое судно – уже капитаном. Проводили его тепло, с сожалением. Зла на него никто не держал – служба есть служба.

Саня Румпель

Жизнь вообще штука удивительная, а флотская жизнь – в особенности. Столько на моей памяти происходило разных историй человеческих взлетов и падений, что все и припомнить трудно. Но наиболее яркие случаи, конечно, надолго остались в памяти, как и эта история про приключения флотского старлея в бурные перестроечные времена...

В утреннем рейсовом автобусе, едущем в бухту Малый Улисс и везущем к месту службы разнообразный флотский люд, в то время часто можно было встретить долговязого и длинноносого старшего лейтенанта в идеально пригнанной и тщательно отглаженной форме, но уже с утра основательно «поддатого», что, в общем-то, абсолютно не было типично для корабельных офицеров того времени, предпочитавших выпивать преимущественно после службы. Он сходил на предпоследней остановке и неестественно твердой походкой направлялся на КПБ бригады ракетных катеров охраны водного района, держась особняком от общей толпы офицеров и мичманов, деловито спешивших на корабли к подъему флага.

Танкеры нашей бригады стояли почти рядом с пирсами катерников, поэтому узнать, что это за необычный офицер завелся по соседству, не составило особого труда. Мичман с продсклада весьма подробно рассказал, что это старший лейтенант Саша по прозвищу Румпель со «102-го» катера, он таким образом хочет уволиться с флота. Не нравится, вишь, ему, что катера ОВРа почти не плавают, а его корабль и вовсе передают

во Вьетнам. Но командира бригады такими фортелями не проймешь, а вся бригада Саше сочувствует, потому как парень дюже хороший, да и моряк грамотный. Мичман-рассказчик заочно учился в политехническом институте на кораблестроительном, так Саша помогал ему с курсовыми.

Первый раз мы встретились с Сашей, когда он был начальником патруля и торчал на конечной остановке автобуса с двумя матросами. Вопреки обыкновению он был трезв, элегантен и в весьма изысканных выражениях выговаривал двум курсантам ТОВВМУ за нарушение формы одежды. Курсанты маялись, не в силах перенести вежливо-язвительный тон, но крыть было нечем. На худощавом, интеллигентном лице Саши выделялись большие выразительные глаза и внушительных размеров нос, формой и величиной отдаленно напомилавший шлюпочный руль, и теперь стало понятно, откуда взялось его прозвище. Своим носом он походил на известного литературного героя Сирано де Бержерака и наверняка имел из-за этого в ранней юности кучу комплексов.

Однажды очень ранним утром нас вдвоем с электромехаником Капитонычем общество делегировало на мыс Чуркин для закупки спиртного на предстоящую свадьбу весьма уважаемого на судне человека – второго механика Семена Семеныча Кривоногова.

В те суровые времена приобретение ящика водки без талонов было поступком весьма незаурядным, а сам процесс сопровождался разного рода конспиративными мероприятиями. Поэтому мы, в утренних сумерках подъехав к нужному дому, сначала подошли к старичку, сидевшему с собакой возле песочницы на детской площадке, и тихонечко спросили про товар. Дед, подозрительно оглядевшись, шустро сбегал в подъезд, потом помахал нам оттуда рукой. Оно и понятно – одному деду ящик не осилить, надо идти в квартиру. На условный стук дверь открыла здоровенная деваха с фингалом под глазом и молча показала пальцем в соседнюю комнату, где штабелем стояли ящики с водкой. В комнате нас ждал «приятный» сюрприз в виде лежащего на раскладушке в полной форме и надраенных ботинках Саню Румпеля, по всей видимости, павшего в неравной борьбе с зеленым змием. На лице его пробивалась черная щетина, – видать, Саня «зависал» здесь достаточно давно. Надо было парня выручать, и мы с Капитонычем, прихватив водку и таща на себе слабо мычащего Румпеля, кое-как влезли в машину и помчались на судно.

В шесть утра Саня, придя в сознание, уже отмокал в ванне судового изолятора и приводил себя в надлежащее морскому офицеру состояние. Был понедельник, и надо было идти на службу. За чашкой крепкого

кофе, гладко выбритый и отутюженный, Саша в моей свежей форменной рубашке поведал нам с «электромехом» свою историю. После Ленинградского ВВМУ имени Фрунзе и недолгой службы командиром взвода во флотском экипаже Саша, полный радужных надежд, прибыл на Тихоокеанский флот. Однако вместо большого противолодочного корабля «Таллин», куда он был назначен штурманом, его временно перебросили на ракетные катера (БПК «Таллин» уже четыре месяца был на боевой службе где-то в Красном море и скоро не ожидался). Временное быстро превратилось в постоянное. Началось тоскливое для моряка стояние возле пирса. Служба как-то сразу не заладилась, и Саша, упавши духом и признав свою морскую жизнь конченной, решил уйти с флота. А не тут-то было! Рапортам его никто хода не давал, и он решил идти другим путем – запить, чтобы быть уволенным «по дискредитации». И, преодолевая отвращение, стал демонстративно появляться выпившим на службе. «Войдя в образ», Саша уже начал не на шутку спиваться, но с флота, как ни странно, его никто увольнять не спешил. Нашел, парнишка, кого пьянкой на флоте удивить! Общеизвестно, что разовая доза русского моряка равна двум смертельным дозам английского, и начальство с нездоровым любопытством наблюдало, когда Саша перебесится, подбадривая его время от времени разносами и выговорами.

Немного подумав, мы с Капитоном предложили Саше другой метод, уже проверенный до него. Он должен был резко бросить пить и заняться чтением какой-либо абсолютно необычной для нормального советского офицера литературы – вроде «Двенадцати цезарей» Светония или «Капитала» Маркса, а еще лучше обоих вместе. Книга про житие римских цезарей с дарственной надписью от знакомого одессита-лейтенанта уже давно, еще с армейской службы, валялась в моем чемодане. С ее помощью одному веселому и кучерявому доктору-двухгодичнику, органически не переваривавшему военные порядки, удалось покинуть стройные армейские ряды с диагнозом «вялотекущая шизофрения». На радостях он ее мне и подарил. Больше пяти страниц этой занятной книжонки я не смог осилить и за три года плаваний – охватывала такая жуткая тоска, что хотелось с воем сигануть за борт.

Обнадеженный Саша, прихватив книгу, лихо перемахнул через забор и умчался в часть. Через две недели он, будучи в патруле, пришел к нам на судно и, обрадованно потирая руки, сказал, что «процесс пошел». Поскольку для усиления эффекта Румпель начал по вечерам демонстративно конспектировать еще и ленинские работы и изучать

решения партийных съездов, то сразу же попал в поле зрения начальника политотдела. А еще через неделю к нему стал присматриваться и флагманский врач бригады, заводя всякие невинные разговоры про особенности человеческой психики.

Кто знает, как далеко бы зашел Саша, если бы однажды мы с ним не пошли посоветоваться к знакомому по институту врачу-психиатру, принимавшему во флотской поликлинике. Молодой майор, для начала обложив нас отборным матом, за полчаса уладил все Сашины проблемы. В поликлинике проходил медкомиссию экипаж сторожевого корабля «Летучий», на котором открылось вакантное место штурмана, взамен заболевшего. Сторожевик через неделю уходил на боевую службу в Индийский океан, и все формальности по переводу не заняли много времени, — надо сказать, к обоюдному удовольствию сторон.

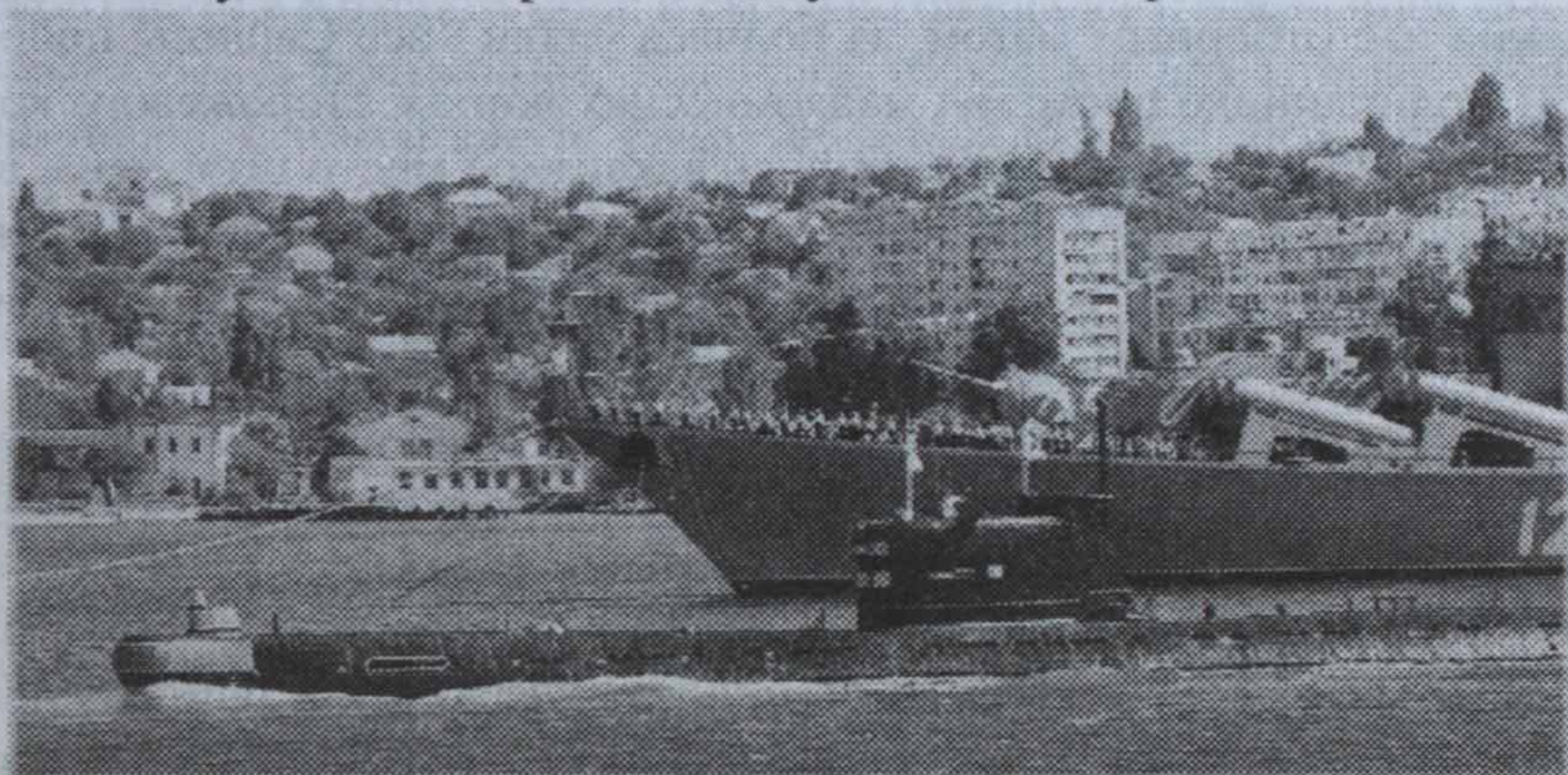
В следующий раз мы с Сашей встретились через два года во Вьетнаме, в Камрани, на параде 23 февраля. Я, естественно, находился в толпе зрителей, а Саша вышагивал в первых рядах офицеров экипажа своего сторожевика. На плечах его элегантной парадной тужурки блистали золотом погоны капитан-лейтенанта, левая рука придерживала кортик, правая — четко держала «под козырек». Штилеты надраены до зеркального блеска, а об стрелку на брюках можно было порезаться. Его фуражка с безукоризненно-белым чехлом возвышалась над головами других офицеров больше чем на полметра. Длинный нос, горделиво вздернутый вверх и направо, как корабельный форштевень, надо сказать совершенно Сашу не портил и даже придавал ему некоторый шарм. Позади развалистым морским шагом, сверкая на солнце белыми форменками и чехлами бескозырок, четким строем шли загорелые дочерна матросы. Слитный грохот матросских хромовых ботинок заглушал даже барабанный бой. Это был его боевой, сплававшийся экипаж, и Румпель был явно и по-хорошему счастлив.

Воистину был прав Козьма Прутков — «Каждый человек всевременно приносит пользу, будучи употреблен на своем месте». Но встретиться на сей раз нам с Румпелем не удалось — поздно вечером в окружающих базу джунглях началась яростная стрельба. В темноте перекрещивались разноцветные трассеры, гулко ухали минометы. К громадным складам боеприпасов, оставленных еще американцами, прорывалась какая-то диверсионная группа. Ее оттеснили в лощину и уничтожили плотным огнем из «Шилки» (зенитная самоходная установка ЗСУ 23-4). В бою погибло несколько вьетнамских солдат и двое

матросов из нашей морской пехоты. Вечером наш танкер срочно покинул Камрань, увозя в рефрижераторном трюме «груз-200», адресованный в Белоруссию и сопровождаемый мичманом.

Вообще Камрани в том году очень не везло – незадолго до праздника бесследно исчез самолет-разведчик Ту-95РЦ со всем экипажем, и летчики, в одночасье потерявшие друзей, ходили по гарнизону с мрачными лицами. А Румпель, наверное, давно уже стал адмиралом. Кто знает...

Камрань (вьетн. Cam Ranh) – город в провинции Кханьхоа, Вьетнам

Апофеоз чужой войны

В середине восьмидесятых в Эфиопии, совсем недавно пережившей очередную войну с Сомали, были засуха и голод. Люди умирали тысячами, в целых селениях не оставалось ни одного живого человека. Газетные полосы пестрели фотографиями детей, больше похожих на скелеты. Правительство СССР экстренно организовало «воздушный мост», по которому продовольствие самолетами военно-транспортной авиации стран Варшавского договора доставлялось на эфиопские аэродромы. Путь неблизкий, на обратный полет горючего самолетам АН-12 уже не хватало, и авиационный керосин доставляли морем. Наш танкер после завершения операции по разминированию Красного моря возил горючее для самолетов из Севастополя, через Босфор и Суэцкий канал в порты Массауа и Асэб.

К нефтебазе на окраине порта Асэб мы подошли ночью и встали на якорь, дожидаясь прилива. Над невысокими горами уже поднялось солнце, когда к нам подошел лоцманский катер и повел нас к прича-

лу. Команда катера (за исключением прилично одетого лоцмана) представляла собой пеструю компанию худощавых негров разных оттенков черного цвета, одетых в живописные лохмотья комбинезонов. Мы быстро подсоединились к трубопроводу и стали отдавать керосин в серебристые береговые резервуары с надписью «Шелл». На тропической жаре судно сразу же окутало облако испарений топлива, готовых взорваться от малейшей искры, поэтому все старались особенно на палубу не высовываться. Процесс перекачки восьми тысяч тонн авиационного горючего – дело весьма долгое, и мы стали потихоньку, без особого любопытства, осматриваться вокруг. Шел уже девятый месяц нашего пребывания в морях, и африканская экзотика всем основательно приелась.

Сама нефтебаза ничего особенного не представляла, но вокруг все напоминало о недавно прошедшей эфиопско-сомалийской войне – из множества оружейных дворишков, обложенных мешками с песком, высовывались длинные тонкие стволы зенитных 40 мм «бофорсов», словно какая-то диковинная роща. Базу, видимо, несколько раз бомбили – кругом было множество старых, уже заплывших песком воронок и валялись искореженные, обгоревшие остатки резервуаров. Вместо зданий – груды развалин. Мое внимание привлекла какая-то темная бесформенная полоса, шедшая по ложине слева от нефтебазы и упиравшаяся в море. Я взял в рубке бинокль и вышел на сигнальный мостик. Мощная оптика приблизила берег, и загадочная полоса в лучах утреннего солнца оказалась самым настоящим кладбищем разбитой военной техники, в основном советского производства сороковых пятидесятых годов. Здесь было множество танков Т-34 и Т-54 с пробитыми бортами, разорванными гусеницами, свернутыми набок башнями и бессильно опущенными стволами пушек. Некоторые из них были зеленого цвета с остатками номеров, другие – полностью выгоревшие, рыжие от огня, зарывшиеся в песок ржавыми катками. Отдельной кучей были свалены выгоревшие изнутри коробки бронетранспортеров со сгоревшими колесами, ощерившиеся открытыми люками и стрелковыми амбразурами. Из-за бронетранспортеров виднелись искореженные рельсы направляющих старых «катюш» на обгорелых остовках зиловских грузовиков. Нелепо задрав вверх погнутые станины, валялись на боку противотанковые пушки со смятыми и пробитыми щитами и несколько полевых гаубиц М-30 с разорванными лепестком стволами. Громоздились сваленные друг на друга изуродованные грузовики и фургоны разных марок. Бесформенными грудками лежал

какой-то алюминиевый хлам, в котором с трудом угадывались остатки сбитых самолетов. Наполовину занесенные песком, далеко сбоку сиротливо стояли проржавевшие до дыр корпуса трех итальянских танков времен Второй мировой. Но особенно впечатляли два танка Т-54, ушедшие в морской песок до самых башен, стоявшие в приливной воде с открытыми люками и поднятыми стволами-хоботами, напоминавшие пришедших на водопой слонов. Все это скопище битого военного металла походило на гигантскую железную змею, выползающую из пустыни в песчаную ложину и уходящую в море.

Глядя на этот унылый пейзаж, трудно было представить, что когда-то все это мертвое железо гудело моторами, лязгало гусеницами, громыхало орудиями, сходясь в смертельных боях на выжженной солнцем эфиопской земле. И вряд ли удалось уцелеть чернокожим парням, сидевшим тогда за рычагами танков или согнувшимся за щитами противотанковых пушек. За что они дрались и погибали, ибо не настало желанного мира и благоденствия ни в Сомали, ни в Эфиопии? О чем они молили и кричали, сгорая заживо в танках, пробитыхкумулятивными снарядами? Невольно приходило сравнение с картиной Верещагина «Апофеоз войны» с грудой черепов на переднем плане. Только здесь черепа выглядят по-другому, они из ржавого, изуродованного и опаленного огнем металла... Вот такой он, апофеоз современной войны. Совсем недавно мы видели подбитые израильские танки, разбросанные по пустыне вдоль Суэцкого канала после штурма египтянами «линии Барлева», а теперь вот здесь...

Невеселые мысли приходили в голову при разглядывании берега. Конечно, весь этот металл, собранный здесь с полей боев, со временем погрузят на баржи и отправят на переплавку. Обычное дело, люди к этому уже привыкли. Вездесущие пацаны весь день лазят по танкам, роются в железном хламе, отыскивая что-то свое, только им понятное и нужное, не задумываясь над смыслом того, что здесь произошло. И звонкие детские голоса гулким эхом отдаются в пустых выжженных коробках.

Вечером мы как всегда сидели на юте, лупили по столу самодельными медными костяшками домино и травили байки. Ночь, как обычно бывает в тропиках, быстро упала на землю непроницаемой черной пеленой. На судне и на берегу зажглись редкие огни, дрожащие в воде бухты. Откуда-то из сомалийской пустыни подул теплый вечерний бриз, и вот в ночной тишине с берега неожиданно послышались странные, стонущие звуки от потревоженного ржавого железа.

Они доносились из той лощины, где сгустился ночной мрак, словно души сгоревших в танках солдат взывали о чем-то, словно изуродованный, пробитый и окровавленный металл жаловался на свою горькую судьбу... моряки как-то сразу замолчали, бросили домино и мрачно разошлись по каютам. Бриз дул с перерывами до середины ночи, и зловещие стоны железа бередили душу до рассвета. В этом было что-то мистическое, непонятное и оттого страшное.

Утром танкер, закончив разгрузку и дождавшись прилива, снялся с якоря и взял курс на Аден. Больше нас судьба, к счастью, в это мрачное место не заносила. На море и так, без этого, слишком много разных мрачных мест, над которыми ощущается черная аура смерти.

Три встречи с «Александром Суворовым»

Шли большие учения Тихоокеанского флота. На позиции одиннадцатого зенитно-ракетного дивизиона надрывно выла сирена, бегали солдаты в касках с автоматами и противогазами, звучали команды офицеров, суетились стартовые расчеты, загоняя серебристые тела ракет с транспортно-заряжающих машин на направляющие пусковых установок, бешено вращались антенны локаторов над кабинами наведения.

На первый взгляд бестолковая суета имела под собой четкую направленность и железную командирскую волю. Ровно через пять нормативных минут дивизион был готов к бою, все скрылись под землей, и только устремленные в зенит острые боеголовки ракет с пугающей скоростью крутились на пусковых, следуя движениям цели, находящейся за десятки километров от позиции.

Я, к тому времени отслуживший целых два месяца, сидел с санитарной сумкой в окопе зачехленной зенитно-пулеметной установки и чувствовал себя совершенно чужим на этом празднике жизни. Меня прикомандировали в этот дивизион на период учений, и все вокруг было пугающим и незнакомым. В окоп меня посадил командир взвода управления лейтенант Батюня (очень вежливый двухгодичник из потомственных питерских интеллигентов) с расплывчатой задачей «вести визуальное наблюдение за воздушной обстановкой», дав артиллерийский дальномер на треноге и попросив никуда не соваться, а главное – не играть с пулеметом. Но поскольку враг с воздуха не появлялся, пулемета я откровенно побаивался, а разглядывать инверсионные следы в небе мне быстро наскучило, я, недолго думая, развернул дальномер в сторону моря и замер...

Открывшаяся глазам картина была несравненно интереснее нашей невидимой и неслышимой воздушной войны с призраками.

На свинцово-серой глади бухты Перевозной, сливаясь шаровой окраской с легкой дымкой, стояли на якорях два боевых корабля – крейсер «Александр Суворов» и эсминец «Вразумительный». Оба корабля вид имели грозный и весьма внушительный – шевелились стволы орудий, крутились башни, мигали сигнальные прожекторы, на фалах то и дело взлетали сигнальные флаги. Неожиданно из стволов орудий первой башни главного калибра крейсера метнулись длинные языки пламени, затем облачко серого дыма и лишь потом по ушам ударил запоздавший гром залпа морских шестидюймовок. В перекрестье делений дальномера было хорошо видно, как шевелятся орудийные стволы, нащупывая в дымке далекую цель. Возле еле видневшегося на горизонте крошечного островка Ослиные Уши встали всплески первых пристрелочных снарядов. Перелет! Второй залп лег с недолетом. Классическая артиллерийская «вилка»! Сотрясая воздух, громыхнули обе носовые башни, островок закрылся стеной воды от прямого попадания учебных болванок. Потом крейсер дал малый ход и, красиво развернувшись, мигнул залпом кормовых башен. Тут же в дело включились «стотридцатки» с эсминца. Орудийный гром, облачка порохового дыма и вспышки залпов, висевшая над Русским островом серебристая «колбаса» корректировочного аэростата, плавное маневрирование кораблей – это было неописуемо красивое зрелище! Завороженный картиной морского боя, я, естественно, прозевал окончание тревоги в дивизионе. В чувство меня привел старшина, постучавший по моей каске прутиком и с приторно-ласковой улыбкой спросивший:

– Что, боец, небось на флот хочется?

После моего по-детски доверчивого утвердительного ответа старшина сказал, что все это дело он мигом устроит, и, дав мне пару ведер воды, приказал «отдраить палубу» в каптерке. Так бесславно закончилось мое первое знакомство с «Александром Суворовым». Но я чувствовал, что мы еще не раз встретимся.

Поближе мы познакомились через три года, когда я уже был студентом Владивостокского мединститута. На День Военно-морского флота был открыт доступ на боевые корабли, пришвартованные на 36-м причале. Стерильно-чистая деревянная палуба крейсера, надраенные до нестерпимого блеска латунные поручни трапов и «барашки» иллюминаторов, строгая мужская чистота матросских кубриков в сочета-

нии с могучими, величественными орудийными башнями с длинными хоботами морских 152 мм орудий, торпедными аппаратами, башнями универсального калибра, бесчисленными 37 мм зенитными автоматами, обилием антенн – все это просто поражало воображение. Экскурсии по кораблю водили brave, подтянутые матросы и офицеры в безукоризненно пригнанной парадной форме. У кормового флага стоял здоровенный матрос-комендор в белых перчатках, с карабином у ноги. Во всем чувствовалась образцовый флотский порядок и спокойная, хладнокровная уверенность в своей мощи. Хотя корабль отслужил уже четверть века и изрядно морально устарел по сравнению с ракетными крейсерами, все же он представлял грозную силу.

– «Привет, Суворов»! – шепнул я украдкой в трубу торпедного аппарата. – Вот и свиделись!

Третья и последняя наша встреча с крейсером состоялась в начале восьмидесятых, когда средний морской танкер «Илим», на котором я тогда служил, стоял на внешнем рейде бухты Бинь Ба – советской военно-морской базы Камрань во Вьетнаме.

Серая громада крейсера появилась на горизонте поздно вечером. Корабль шел в Бомбей (по слухам, – для передачи индийскому флоту), и остановился ненадолго для дозаправки. Однако все догадывались, что скорее всего он «пойдет на гвозди».

Танкер пришвартовался к правому борту крейсера и через сброшенные шланги стал заправлять корабль флотским мазутом и пресной водой. Крейсер выглядел уже не так молодецки, как раньше, – сквозь обшивку уныло проступали ребра шпангоутов и стрингеров, ржавчина на борту была наспех замазана суриком. Орудийные установки аккуратно зачехлены по-походному, а кое-где и демонтированы, торпедных аппаратов уже не было. И хотя палуба была такой же чистойшей и медяшки сияли как всегда, и стволы орудий главного калибра по-прежнему грозно смотрели вдаль, упадок чувствовался во всем: и в выражении лиц немногочисленных матросов и мичманов, и в тихих командах офицеров, и в чистых, грустных звуках корабельного горна, играющего «захождение». Корабль напоминал заслуженного ветерана в старой форме, пришедшего на военный парад и изо всех сил старающегося выглядеть молодецкато.

Утром крейсер снялся с якоря и начал, прощаясь, обходить строй кораблей и судов оперативной эскадры. Экипажи были выстроены на палубах в шеренги, на фалах подняты флажные сигналы «счастливого плавания». Оркестр флагманского авианосца «Новороссийск» играл

«Прощание славянки», адмирал и офицеры держали руки у козырьков. Даже на вьетнамском сторожевике экипаж выстроился на палубе.

Мы тоже, надев парадную форму, построились на баке. На душе было грустно, будто провожали навсегда близкого человека. Я даже заметил подозрительно блестящие глаза у второго механика (он когда-то служил мотористом на «Суворове») и почувствовал, что и у меня в горле стоит комок. Крейсер, уходя вдаль, медленно уменьшался в размере, постепенно сливаясь шаровой окраской с редевшими клочьями утреннего тумана. Печально взвыла сиреной подводная лодка, медленно входившая в бухту.

Я поймал себя на мысли, что за туманным горизонтом исчезали навсегда не просто мачты старого, заслуженного боевого корабля и уходила в небытие славная эпоха паровых турбин, артиллерийских дуэлей и лихих торпедных атак «на пистолетный выстрел». Под грустно-торжественные звуки старого марша безвозвратно растворялась в морской дымке и наша молодость.

Почти все корабли той оперативной эскадры через пять лет бесславно ушли на слом за ненадобностью новой России, авианосец «Новороссийск», не прослужив и десяти лет, нынче в качестве плавучего отеля развлекает китайских туристов. Но славные имена последних тихоокеанских крейсеров – «Александр Суворов», «Дмитрий Пожарский», «Адмирал Сенявин», «Адмирал Лазарев», – достойно отслуживших Отечеству, старые моряки помнят до сих пор.

